

ЦАРСКИЙ ДОМ

Ю.Н. Данилов

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Царский Дом

Юрий Данилов

**Великий князь
Николай Николаевич**

«ВЕЧЕ»

1930

Данилов Ю. Н.

Великий князь Николай Николаевич / Ю. Н. Данилов —
«ВЕЧЕ», 1930 — (Царский Дом)

ISBN 978-5-4444-8410-4

Эта книга посвящена великому князю Николаю Николаевичу Младшему (1856–1929), дяде последнего русского императора Николая II. Николай Николаевич 10 лет являлся генерал-инспектором кавалерии и многое сделал для совершенствования этого рода войск. Кроме того, он занимал посты главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Николай Николаевич являлся Верховным главнокомандующим русской армией в начальный период Первой мировой войны (по август 1915 г.), а затем – вплоть до Февральской революции – главнокомандующим Кавказской отдельной армией. Многие представители русского общества считали великого князя возможным вождем процесса укрепления русской государственности. Данной роли Николай Николаевич не сыграл, но все равно вошел в отечественную историю как незаурядный и талантливый деятель трагической эпохи. Впервые книга вышла в свет в парижском издательстве «Imprimerie de Navarre» в 1930 году.

ISBN 978-5-4444-8410-4

© Данилов Ю. Н., 1930
© ВЕЧЕ, 1930

Содержание

Дядя царя: портрет на фоне трагической эпохи	5
Глава I	15
Глава II	23
Глава III	28
Глава IV	41
Глава V	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юрий Данилов

Великий князь Николай Николаевич

Дядя царя: портрет на фоне трагической эпохи

Эта книга посвящена хорошо известному в русской истории великому князю Николаю Николаевичу Младшему (1856–1929), дяде последнего императора, сыгравшему определенную роль в событиях последнего царствования. Но феномен Николая Николаевича определялся не только рамками его реальной роли. Он прежде всего выразился в немалом обаянии его личности, довольно долго воздействовавшем на умы многих представителей русского общества. Великому князю приписывали собственные взгляды на ситуацию и тянулись к нему, как к возможному вождю процесса укрепления русской государственности. Данной роли великий князь не сыграл и, вероятно, не собирался играть, так что эти надежды и даже это обаяние были скорее фактом массовой психологии.

Кто только не уповал на великого князя! Даже такой неординарный деятель, как вождь донского казачества и крупный писатель П.Н. Краснов, и тот свои последние надежды возложил именно на него. Вспомним роман Краснова «Белая свитка», последний том трилогии «От двуглавого орла к красному знамени», в котором именно великий князь Николай Николаевич выступает в роли восстановителя России, подчиняющего органы советской власти и части Красной армии одним авторитетом своего имени и обаянием своей личности.

Так что такое явление, как «феномен великого князя», существовало на самом деле, и в понимании данной проблемы серьезным подспорьем может служить книга Ю.Н. Данилова. Но сначала скажем несколько слов о жизни автора.

Юрий Никифорович Данилов родился в Подольской губернии в 1866 г. и с юных лет окунулся в стихию армейской службы. Он окончил Киевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, в 1886 г. был выпущен в первом офицерском чине подпоручика в 27-ю артиллерийскую бригаду. В 1892 г. окончил Николаевскую академию Генштаба по первому разряду (т. е. был допущен к прохождению дополнительного курса на право причисления к Генеральному штабу). Как офицер Генштаба, он служил в штабе Киевского военного округа, а с 1898 г. в Главном штабе. В его канцеляриях и делал Данилов свою карьеру: начальник отделения, помощник первого обер-квартирмейстера, постоянный член Крепостного комитета... В 1906–1908 гг. Данилов командовал 166-м пехотным Ровенским полком (ценз командования полком непременно требовался для производства в генералы). В 1908 г. он возвратился в Генеральный штаб на должность генерал-квартирмейстера и постоянного члена Крепостного комитета (а с 1910 г. параллельно занял пост председателя этого комитета). Уже в 1913 г. успешная карьера увенчалась производством в генерал-лейтенанты.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Генерального штаба, как постоянного органа военного управления, в привычной ныне форме в конце XIX – начале XX в. не было. Управление войсками осуществлял созданный в 1865 г. Главный штаб, в частности управление первого генерал-квартирмейстера (в котором и служил Данилов; на это управление были возложены вопросы разработки стратегических планов, мобилизации и сосредоточения армий и пр.). Генеральный штаб должен был формироваться при главнокомандующем на театре военных действий из офицеров, принадлежавших к корпорации Генерального штаба. Именно так создавался штаб генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина (1848–1925) в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. и сразу же показал свою несостоятельность.

После Русско-японской войны наблюдался кризис высшего военного управления империи. Его пытались преодолеть созданием в июне 1905 г. Совета государственной обо-

роны, объединявшего деятельность Военного и Морского министерств, вновь созданного Генерального, а также Главного, и Главного морского штабов. Председателем Совета стал великий князь Николай Николаевич, и это был его дебют в высшем военном руководстве империи.

Совет государственной обороны разработал развернутую программу военных реформ, очистил армию от бездарных генералов и офицеров, но он не мог превратиться в орган высшего военного руководства и потому уже в 1908 г. был упразднен. По опыту войны был учрежден автономный, не подчиняющийся Военному министерству, Генеральный штаб. Но он в итоге оказался лишь военно-научным органом, не участвующим в управлении войсками. Вскоре из Главного штаба, путем выделения некоторых его частей, было образовано Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). В части первого обер-квартирмейстера (всего в ГУГШ их имелось четверо) как раз и сосредотачивались общие вопросы подготовки к войне, мобилизации, дислокации войск, военного строительства и военной разведки. Ю.Н. Данилов служил там до ухода на должность командира полка.

Правда, получилось, что начальник Генштаба оторван от войск, а военный министр отстранен от разработки оперативно-стратегических вопросов. В 1908 г. начальник Генштаба опять был подчинен военному министру. В 1910-е гг. ГУГШ передали в Военное министерство, оно и стало в конечном счете Генштабом и органической частью министерства.

Ю.Н. Данилов занимал свою должность при всех начальниках Генштаба, и именно он являлся главным автором плана стратегического развертывания на Западе. В 1902 г. было санкционировано создание в случае войны фронтов – Северо-Западного против Германии (во главе его поначалу планировалось поставить великого князя Николая Николаевича) и Юго-Западного против Австро-Венгрии.

В 1908 г. Данилов как первый обер-квартирмейстер ГУГШ подал свою – весьма фантастическую – записку о плане войны. Первоначально на ее базе был даже составлен и утвержден план войны, позднее отвергнутый после так называемого «бунта военных округов» (съезд командующих и начальников штабов западных военных округов в феврале 1912 г.). Причины появления на свет догматически-канцелярских планов понять нетрудно. Первая – незначительный опыт Данилова по руководству войсками, вторая – схоластика, господствовавшая в то время в Академии Генштаба. Все обучение в ней велось в основном на базе опыта наполеоновских войн! Не учитывался даже опыт Русско-турецкой войны – комиссия по ее изучению еще не закончила свою работу к 1910 г.! Говорить о Русско-японской войне в этом случае просто не приходится. Правда, военная общественность в лице молодых талантливых офицеров, да и отдельных генералов, выводы сделала и определенные уроки извлекла. Но разве просто было бороться с бюрократической рутинной министерств, штабов и академий!

С уходом великого князя с должности Верховного главнокомандующего в августе 1915 г. новый начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев потребовал снятия Данилова с должности генерал-квартирмейстера Ставки. Юрий Никифорович был назначен командиром 25-го армейского корпуса, а в августе 1916 г. стал начальником штаба армий Северного фронта. Произошла Февральская революция, пала монархия. В апреле 1917 г. Данилов стал командующим 5-й армией этого фронта, причем сумел снискать доверие комиссара армии и солдатских комитетов, но в то же время выступал против пресловутой «демократизации». Руководить армией в боях ему пришлось только в ходе июльского наступления 1917 г. под Jakobstadом, не имевшего никаких результатов. В сентябре 1917 г., в разгар борьбы с корниловщиной, он был снят с должности и переведен в резерв чинов (данными об участии Данилова в корниловском движении исследователи не располагают).

А дальше... Вскоре после Октябрьской революции Юрий Никифорович вступил в Красную армию. На волне патриотизма, вызванного германо-австрийским наступлением в начале 1918 г., он в феврале вернулся в ГУГШ. Тогда на службу в Красную армию поступила большая группа генералов и множество офицеров старой русской армии. В марте Данилов возглавлял группу военных экспертов при советской делегации на переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске. Данилов был противником подписания Брестского мира и подал второму председателю советской делегации (всего их последовательно было трое) С.В. Сокольникову (Бриллианту) записку, обосновывающую, почему этот мир не может быть заключен. По возвращении из Бреста был включен в состав Комиссии военных специалистов по выработке плана преобразования военного центра для реорганизации армии. План, выработанный Комиссией, был отклонен, 25 марта 1918 г. Данилов вышел в отставку и уехал на родину, в Киев.

На просторах бывшей Российской империи полыхала Гражданская война... Данилов перебрался в район действий Добровольческой армии, но на службу почему-то поступил лишь в августе 1920 г., заняв пост помощника начальника военного управления в правительстве Врангеля. После падения белого Крыма (ноябрь 1920 г.) Данилов эмигрировал в Константинополь, а оттуда в Париж, где и скончался в 1937 г. Кроме книги, ныне предлагаемой вниманию читателей, он опубликовал еще несколько трудов («Россия в мировой войне. 1914–1915 гг.», «Русские войска на Французском и Македонском фронтах. 1916–1918 гг.», «На пути к крушению» и др.).

Вернемся к главному герою книги – великому князю Николаю Николаевичу Младшему. В какой-то мере его карьера обычна для других великих князей и напоминает карьеру отца, великого князя Николая Николаевича Старшего (1831–1891). Тот начал военную службу в строю сразу с должности начальника гвардейской кавалерийской дивизии, через два года стал командиром резервного гвардейского корпуса, а еще через пять лет – генерал-инспектором кавалерии. В Крымскую войну участвовал в Инкерманском сражении, затем находился в осажденном Севастополе. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. был главнокомандующим на европейском (балканском) театре военных действий. Получил орден Св. Георгия 1-й степени и фельдмаршальский жезл. Но вообще-то прославился Николай Николаевич Старший не столько организаторскими достоинствами и боевыми подвигами, сколько тем, что был «совершеннейшим джентльменом» и до самой революции слыл образцом для всех петербургских щеголей. Считается, что «гвардейский выговор» с его растягиванием слов и чрезмерным грассированием изобрел именно он. Так что русская армия смогла победить не благодаря такому главноверху, а несмотря на его наличие. Имелись, правда, и другие военачальники в той войне (например, М.Д. Скобелев), был талантливый военный министр Д.А. Милютин. Да и цена была заплачена, мягко говоря, немалая. Ну так что же... Не в первый раз и не в последний...

Отношения с отцом, да и матерью Александрой Петровной, урожденной принцессой Ольденбургской, у Николая Николаевича Младшего были неважные. Нелюбимый ребенок, свидетель постоянных семейных ссор и драм, он находил какое-то подобие семьи только в частях, в которых служил. По-видимому, это закрепилось в его характере на всю жизнь – отсюда и чрезвычайно серьезное отношение к службе (по сравнению с другими великими князьями). С 1871 г. он в рядах лейб-гвардии Гусарского полка. В офицеры был произведен в учебном пехотном батальоне в возрасте неполных семнадцати лет, а полковником стал в 22 года.

И образование Николай Николаевич Младший, в отличие от других членов императорской фамилии, получил не в Пажеском корпусе. Великий князь, уже в офицерском чине, окончил Николаевское инженерное училище, а затем сразу же поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Это решение можно назвать неожиданным, даже фрондер-

ским: для члена императорской фамилии учеба в академии была неслыханным делом. Да и последующая служба проходила в большей степени в строю, чем в Яхт-клубе, где обычно проводил время петербургский *beau monde*.

Взаимоотношения членов Дома Романовых были далеки от родственной сплоченности и взаимной поддержки. Впрочем, герой этой книги всегда был дружен с последним императором и в дневнике и переписке монарха обычно упоминается под ласковым именем «Николаша». На Николая II, как и на многих его подданных, производили впечатление рослая величественная фигура и резкая, отрывистая, внешне волевая речь великого князя. «Дядя Николаша» был – внешне – одной из немногих опор императора в трясине придворных интриг.

Но, как и во всех прочих случаях, Николай Николаевич был только кажущейся опорой. Производя впечатление твердого и волевого человека, он был на самом деле крайне впечатлительной и чувствительной натурой – неизбежное последствие атмосферы детских лет, – и находился под огромным влиянием своего окружения.

Стоит коснуться и еще некоторых обстоятельств. В 1909 г. полиция раскрыла кружок мартинистов, группировавшийся вокруг выходившего в Царском Селе журнала «Глобус». Список «бунтарей» возглавляли великие князья Николай Николаевич, его брат Петр Николаевич, Георгий Михайлович и большая группа высших придворных.

Еще Александр I в январе 1822 г. запретил деятельность в Российской империи всех тайных обществ и масонских лож. Сам-то он был масоном с юных лет, но сравнительно незадолго до смерти пережил нравственное перерождение. Впрочем, русское масонство вовсе не собиралось подчиняться запрету и встало на путь подготовки к перевороту и цареубийству. 14 декабря 1825 г. оно дало последний открытый бой на Сенатской площади, а затем вроде бы исчезло из социально-политической жизни России.

Однако его исчезновение было не фактическим, а только организационным, можно сказать – формальным. Иначе говоря, в России больше не было русских лож, а российские масоны отныне являлись членами лож Западной Европы, чаще всего сообществ «Великий Восток Франции» или «Шотландский обряд». Мартинизм – одна из разновидностей масонства, от прочих его ветвей отличающаяся тем, что практикует действенную магию.

Принадлежность к масонскому подполью вполне объясняет два крупных вклада, внесенных великим князем в российский революционный процесс. Первый вклад – это оказание давления на своего царственного племянника в октябре 1905 г. по поводу подписания знаменитого манифеста от 17 октября. Известно, что Николай II колебался до последнего момента – подписывать манифест или нет. Многие мемуаристы излагают драматическую историю о том, как «Николаша» с истерическими рыданиями убеждал его подписать и наконец сломил колебания монарха угрозой застрелиться прямо у него на глазах, если не подпишет. В реальности, наверное, все было не так красиво, но факт налицо – манифест от 17 октября был подписан именно под давлением Николая Николаевича.

Второй вклад – телеграмма с требованием отречения императора в феврале 1917 г., в ходе телеграфного опроса командующих фронтами и флотами генералом Рузским. У многих исследователей получалось, что Николай Николаевич порекомендовал племяннику отречься, потому что надеялся вновь занять пост Верховного главнокомандующего, с которого царь сместил дядю в августе 1915 г. У этих авторов великий князь получается наивным, если не сказать хуже: променять империю на пост главковерха! Нет, Николай Николаевич не был глупцом, а его телеграмма – лишний показатель масонского характера Февральской революции.

Николай Николаевич, надо признать, был человеком умным и талантливым. Больше двух лет он прослужил в лейб-гусарах командиром эскадрона и дивизиона, затем шесть лет командовал тем же полком. Бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии он командовал

всего месяц, а потом два года командовал той же дивизией. Всего более десяти лет он состоял в рядах «легкой» дивизии гвардейской кавалерии. Это не совсем похоже на карьеру отца, начатую прямо с командования той самой дивизией. Впрочем, в 1895 г. Николай Николаевич Младший принял пост генерал-инспектора кавалерии, можно сказать, по наследству.

Генерал-инспектором кавалерии Николай Николаевич прослужил 10 лет и многое сделал для совершенствования этого рода войск, проявив замечательную энергию. Прежде всего, он начал учить конницу езде. Была введена новая школа верховой езды – «выучка Филлиса», господствовавшая в русской и советской кавалерии до самого упразднения кавалерии как рода войск в 1956 г.! Николай Николаевич открыл Офицерскую кавалерийскую школу для подготовки кандидатов в эскадронные командиры. Постоянными состязаниями кавалерийскому офицерству был привит спортивный дух. Однако по-настоящему великий князь не завоевал сердец подчиненных вследствие своей грубости и безжалостности к командирам, которых он снимал по любому поводу и без повода. Например, в период командования Петроградским военным округом он снимал с должности командиров полков, которые не получали при проверке отличной оценки по стрелковой подготовке. Постоянно проходили офицерские собрания полков, требовавшие извинений за нецензурные окрики на маневрах и учениях. Великий князь всегда охотно приносил такие извинения, и формально подобные истории на том исчерпывались, однако неприятный осадок оставался.

В июне 1905 г. Николай Николаевич был назначен председателем Совета государственной обороны, а в октябре того же года принял также посты главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Великий князь постоянно вмешивался в компетенцию военного и морского министров, а также командующих войсками округов, что в конце концов и привело к упразднению Совета. В результате возросло влияние военного министра В.А. Сухомлинова, с которым у великого князя сложились скверные отношения. Тем не менее Николай Николаевич стал неформальным лидером военной системы империи. Поэтому его назначение Верховным главнокомандующим в Первой мировой войне не выглядело чем-то неожиданным (кандидатов-то было всего двое – великий князь и Сухомлинов). Правда, несколькостораживает информация, приводимая Даниловым: «...визит во Францию в 1912 г. приучил французов глядеть на великого князя, как на будущего главковерха». А может, Николай Николаевич попросту был назначен главковерхом по требованию французского правительства, в то время бывшего лишь исполнительным органом логи «Великий Восток»? Да и рычаг влияния на Николая II у французов был: пресловутые французские займы, на которые была проведена военная реформа в России.

Данилов пишет, что «император не обладал данными, необходимыми для крупного военачальника». Можно возразить, что великий князь, как это подтвердил ход событий, такими данными тоже не обладал. Умен, энергичен – да, конечно. Но об уровне Наполеона или Суворова даже и говорить не приходится. Важнее другое. Разве до 1915 г. был пример принятия российским императором поста Верховного главнокомандующего? Даже Петр Великий, лично принимая участие в военных действиях, никогда не возлагал на себя звания генерал-аншефа. Под Полтавой он командовал дивизией в армии Шереметьева, под Гангутом – главными силами галерной эскадры и т. д. Император должен руководить всей жизнью империи и согласовывать усилия разных ведомств по обеспечению действующей армии всем необходимым. Император, принимающий на себя командование действующей армией, в итоге утрачивает управление империей и получает измену верхушки, государственный переворот в тылу. Такой шаг может быть или глубоко ошибочным, или вынужденным, когда монарх идет на колоссальный риск, явно сознавая это. «Некем взять...»

А если сравнить великого князя и императора в качестве главковерхов, то император явно выигрывает. (Да-да, как бы данный тезис ни изумлял тогдашних, да и нынешних либералов.) За время его командования действующая армия увеличилась вдвое, был резко под-

нят уровень вооруженности и оснащения, ни о каком отступлении в глубь страны больше не было и речи. Хотя генеральное наступление 1916 г. и провалилось, но подвиг Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании этого года поднял боевой дух войск и авторитет русской армии в международных кругах. Генеральное наступление 1917 г. готовилось в гораздо лучших условиях и обещало известные шансы на успех... В снижении качества кадров действующей армии императора тоже трудно винить. Падение качества кадров по мере затягивания военных действий является неизбежным и закономерным.

Так что же можно сказать о наиболее значимом периоде жизни автора книги и его героя, когда генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич занимал должность Верховного главнокомандующего, а генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов – должность его генерал-квартирмейстера? Начальником штаба Ставки был назначен начальник Николаевской военной академии Н.Н. Янушкевич. Он был точно таким же кабинетным деятелем, незнакомым с деятельностью войск, как и Данилов, но при этом еще и ученым, не имевшим даже бюрократического опыта. Его влияние на ход событий было очень слабым. Всю российскую военную стратегию в течение года вершили великий князь и Данилов, а все стратегическое планирование лежало исключительно на Данилове.

Все начальные операции войны были неким странным компромиссом между требованиями стратегии и требованиями французского правительства. В русской военной стратегии с самого начала планирования войны с Центральными державами приоритеты были установлены очень четко: Россия громит Австро-Венгрию, Франция должна разбить Германию или, по крайней мере, сдерживать ее, пока Россия не переключит свои основные усилия на Германию. Но давление Франции заставляло русских стратегов постоянно наращивать группировку, предназначенную для войны с Германией, и, соответственно, ослаблять группировку, нацеленную против Австро-Венгрии. В результате с августа 1914 г. русская армия решала одновременно две задачи – разгром австро-венгерской армии недостаточными для этого силами и разгром противостоящих германских сил. Французы с самого начала требовали наступления на Берлин, словно не обращая внимания ни на австро-венгерские армии в Галиции, ни на германскую группировку в Восточной Пруссии.

Вся кампания 1914 г., определившая ход и исход Первой мировой войны для России, может быть уложена в следующую схему. Составление Даниловым плана войны по сведениям австрийского полковника Редля, который был раскрыт, как русский шпион, а план развертывания австро-венгерской армии был изменен. Принятие Ставкой решения проводить первые операции по трем расходящимся направлениям. Выигранная доблестью войск Галицийская битва. Провал Восточно-Прусского похода. Сосредоточение войск для «марша на Берлин» во встречных столкновениях под Варшавой и Ивангородом. Срыв генералом Рузским Варшавского маневра. Лодзинский провал. Бессмысленные остановки и разрешения на действие Юго-Западному фронту. Бессмысленная и беспорядочная бойня «на четырех реках». Такова картина «стратегического дарования» великого князя, которое так ярко живописует Данилов.

Но самое главное заключается в том, что в кампании 1914 г. русская армия растратила бесценный кадровый состав, и дальше ей пришлось воевать запасниками и «ополченцами», т. е. необученными. Наиболее тяжелыми оказались потери в офицерском и унтер-офицерском составе, что впоследствии губительно сказалось на ведении военных действий. Наспех обученные прапорщики и почти совсем необученные унтер-офицеры не могли справиться ни с воспитанием и обучением войск, ни с руководством ими в бою. Были растратчены и запасы боеприпасов, израсходованы запасы винтовок, и в 1915 г. солдаты в бой шли с одной винтовкой на троих, а поддерживала их артиллерия, имевшая право израсходовать один-два выстрела на ствол за день боя.

Великий князь намеревался «создать атмосферу 1812 года», но добился противоположных результатов. Аппарат Ставки начал давать перебои. К августу 1915 г. она была уже не в состоянии управлять событиями. Отступление приобретало стихийный характер, и великий князь откровенно заявлял, что не рассчитывает остановить противника западнее линии Днепра. В те дни он распорядился о строительстве позиций за Тулой и Курском. Сложилась ситуация военной катастрофы. И получается, что принятие императором верховного главнокомандования 23 августа 1915 г. было совершенно необходимым решением. Армия вроде и не обратила на это особого внимания, но уже с первых дней работы новой Ставки начался выход из кризиса.

Николай Николаевич получил назначение на пост наместника Кавказа – главнокомандующего Кавказской отдельной армией. Янушкевича он с собой взял («помощником по военной части»), а Данилова оставил. В командование армией он не вмешивался, ею отлично командовал Н.Н. Юденич (вот уж действительно генерал суворовской школы!) На Турецком фронте дела обстояли лучше, чем на всех остальных. Так что по сути на этом участие Николая Николаевича в Первой мировой войне закончилось.

После отречения императора он с великим подъемом выехал с Кавказа в Могилев принимать верховное главнокомандование. Ведь 2 марта Николай II успел снова назначить «дядю Николашу» на этот пост. Однако в пути Николай Николаевич получил уведомление, что-де «победившая демократия» не желает иметь членов императорской фамилии не только на высших военных постах, но и вообще в рядах революционной армии. (Специальным решением от 9 марта 1917 г. Временное правительство отменило императорское распоряжение и назначило на данный пост генерал-адъютанта М.В. Алексеева.) Что ж, не надо было заигрывать с масонством. Подобных людей используют и выбрасывают за ненадобностью. Так в марте 1917 г. завершилась военная служба великого князя Николая Николаевича Младшего, продолжавшаяся 47 лет.

В эмиграцию он отбыл не сразу. Первые два года после отставки Николай Николаевич провел в Крыму, куда прибыл в середине марта с супругой Анастасией Николаевной (Станой)¹. В Крыму «Николаша» со Станой проследовали в собственное имение Чаир. Оно славилось своим парком с уникальной коллекцией роз (многие помнят сладострастное танго «В парке Чаир распускаются розы...»). Позднее всем Романовым, находившимся на полуострове, было велено поселиться в Дюльбере, имении Петра Николаевича. Навидались они всякого за время Гражданской войны, и не раз жизни Романовых угрожала серьезная опасность.

Наконец в апреле 1919 г. Романовы во главе со вдовствующей императрицей Марией Федоровной покинули русскую землю на английском дредноуте «Мальборо». Великий князь Николай Николаевич Младший уехал в свое маленькое итальянское имение Санта-Маргерита. В 1922 г. он перебрался во Францию, где и закончил свой жизненный путь в январе 1929 г. на даче «Thenard» в Антибе, на Лазурном берегу. Похоронен он в усыпальнице русской церкви в Каннах.

Русская политическая эмиграция после гражданской войны была весьма многочисленной (по различным подсчетам, от одного до трех миллионов человек) и очень разнородной по социальному составу: от вдовствующей императрицы и великих князей до простых обывателей и крестьян, бывших солдат армий Врангеля, Миллера, Дитерихса. Политическая палитра выглядела еще более пестрой: от монархистов до левых эсеров и анархистов-максималистов. В советские времена взгляд на политическую жизнь русской эмиграции был весьма упрощенным – «агония белого движения». Но все проходило куда сложнее.

Политическая история белой эмиграции была историей бурных споров о путях развития России и человечества, смелых мечтаний о новом мироустройстве и попыток вопло-

¹ Урожденная княжна Черногорская, по первому браку герцогиня Лейхтенбергская. – *Примеч. ред.*

щения их в жизнь, трагических самопожертвований и предательств во имя враждующих великих идей, незаурядных личностей и энтузиастов. Советское политическое руководство и ВЧК-ОГПУ чутко откликались на малейшие происшествия в политической жизни эмиграции, напряженно боролись с РОВСом, болезненно реагировали на публицистику профессора Н.Г. Устрялова, изучали идеи евразийцев. А после крушения советской власти основные идеологические постулаты и политические концепции, рожденные в эмиграции, снова пришли в Россию.

Николай Николаевич, в силу своего прошлого и неизжитого «феномена великого князя», стал фактически центральной фигурой эмиграции, еще проживая в Санта-Маргерите, достаточно далекой от мест скопления русских эмигрантов. Уже в 1921 г. правые и правопоцентристские политические организации, такие как Русский народно-монархический союз конституционных монархистов (лидер – С.С. Ольденбург), Торгпром и другие, созвали Съезд хозяйственного восстановления в Бад-Райхенхалле. На съезде был создан высший орган политического руководства правой эмиграцией – Высший монархический совет (лидеры – А.Н. Крупенский, Н.Е. Марков, Н.Д. Тальберг). Съезд объявил главой эмиграции великого князя Николая Николаевича как старейшего из живых представителей императорской фамилии. По числу участников и структурированности правые и правопоцентристские организации не слишком выделялись в эмиграции. Зато они концентрировали немалый авторитет и, главное, немалые капиталы, ведь в их составе были такие денежные тузы, как П.О. Гукасов, С.Г. Лианозов, Э. Нобель.

Впрочем, «феномен великого князя» срабатывал не только для правых, но и для организаций самой различной направленности. Даже Организация российских фашистов, возникшая в 1921 г. в Загребе, а затем создавшая свой филиал в Харбине (вскоре он развился в Российский фашистский союз), и та объявила Николая Николаевича своим главой. Правда, скоро в своем развитии русский фашизм пришел к отрицанию монархического принципа.

Авторитет великого князя, как старейшины, признавали и все уцелевшие представители фамилии Романовых. И вдруг начались проблемы. Великий князь Кирилл Владимирович, как ближайший из живых родственников покойного императора, потребовал признания императорского достоинства за ним. Между тем после морганатического брака великого князя он был специальным манифестом императора исключен из императорской фамилии. Впоследствии в правах великого князя Кирилл Владимирович был восстановлен, но только лично – ни его супруга, ни их потомство права на включение в императорскую фамилию и титулы великих князей и княгинь не имели. Естественно, и семейный совет в целом, и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и Николай Николаевич, все были против. Потребовал для себя признания императорского титула и другой великий князь – Борис Владимирович, но были отклонены и его притязания. Между тем Кирилл Владимирович объявил себя императором самостоятельно. Сразу же нашлись приверженцы «нового монарха».

В ответ на это семейный совет Романовых постановил дезавуировать претензии великого князя Кирилла, а Николаю Николаевичу присвоил титул Престолюбюстителя Российской империи. Николай Николаевич опубликовал текст заявления императрицы Марии Федоровны, в котором она декларировала, что «Государь Император будет указан нашими основными законами в союзе с Церковью православною, совместно с Русским народом». К тексту императрицы он добавил, что «будущее устройство Государства Российского может быть решено только на Русской земле, в соответствии с чаяниями Русского народа». На этой позиции, тесно смыкавшейся с позицией «непредрешенчества», господствовавшей в белом движении, великий князь стоял до самой смерти.

Между тем его влияние в эмиграции росло. Конечно, левые и социалистические партии не признавали его авторитета. Окончательно лишившись, таким образом, поддержки масон-

ства, великий князь обратился к церкви (надо полагать, вполне искренне). Все эмигрантские воспоминания описывают его как набожного человека.

Руководство Николая Николаевича признала самая организованная, массовая и деятельная эмигрантская сила – РОВС (Русский общевоинский союз). П.Н. Врангель в 1921 г. был вынужден реорганизовать Русскую армию в систему военных союзов, объединенных централизованным руководством прежнего военного ведомства и фактически представлявших собой скадрированные прежние части. Он до самой смерти (1928) рассчитывал на случай, который даст ему возможность вновь развернуть армию и возобновить борьбу с Советами на русской земле. Конечно, Врангель не собирался допускать великого князя до реального руководства. Тем не менее то был серьезный шаг, и отныне великого князя действительно можно было считать не только идейным, но и политическим руководителем эмиграции. После перехода РОВСа в подчинение Николаю Николаевичу в 1924 г. все организации, не признававшие его руководства, можно было отнести к маргинальным.

Это положение было законодательно закреплено на состоявшемся в 1926 г. наиболее представительном за все годы первой эмиграции Зарубежном съезде, ставшем самой серьезной попыткой объединения политических сил эмиграции правого и правоцентристского толка. Правые скоро рассорились с правоцентристами, и после съезда возникли две группировки: Русское зарубежное патриотическое объединение, возглавленное И.П. Алексинским, и Российское центральное объединение под председательством А.О. Гукасова. Как бы там ни было, но съезд провозгласил Николая Николаевича Национальным вождем – именно так, в качестве официального титула. И после того как возникли оба указанных объединения, они признавали руководство Николая Николаевича, апеллировали к его авторитету и призывали к сбору денег в фонд его имени.

Что же конкретно делал великий князь в руководстве белой эмиграцией? Он выступал от ее имени с интервью, делал заявления, давал устные директивы по поступающим к нему докладом и сводкам. Вроде бы ничего особенного. Но заявления и интервью Николая Николаевича достаточно важны для политической истории русской эмиграции и для русской истории в целом. Дело в том, что он в них был весьма последователен и четко проводил определенную линию. К наиболее важным его политическим концепциям можно отнести непререженчество, отказ от определения формы правления России заграничными организациями без решающего участия народа, постоянное требование об отказе от иностранных интервенций, возложение надежд на внутренние процессы в России.

Значимость подобной платформы Николая Николаевича проявилась в 1927 г., когда Великобритания и Франция начали политическую подготовку к войне с СССР и потребовали от Германии предоставить ее территорию для прохода войск и развертывания зоны коммуникаций. Но Германия была уже тесно связана с Советской Россией в экономическом плане, и канцлер Брюнинг отказал Антанте в ее требованиях, чем и сорвал все планы интервенции. Неизвестно, как сказалась бы на исходе военной угрозы позиция русской эмиграции в пользу интервенции, но эта позиция и не была занята вследствие требований Николая Николаевича.

После смерти великого князя эмиграция быстро изменила свой характер и помельчала. В следующем году был убит агентами ОГПУ Кутепов, возглавивший РОВС после смерти Врангеля, и РОВС быстро начал размываться и терять влияние. Организации и движения, объединявшие эмиграцию в политическом плане, быстро теряли авторитет и кадры, а череда громких разоблачений агентов ОГПУ в их рядах добивала окончательно. С великим князем фактически умерла русская политическая эмиграция первого поколения. Ее сменила среда потомков белых эмигрантов, затем пришла «вторая волна» (во многом из власовцев и полицаяв либо просто обманутых и растерявшихся людей), за ней накатила «третья волна» эмиграции, которую и русской-то назвать можно лишь с издевкой...

Великий князь Николай Николаевич Младший – несомненно, незаурядный и талантливый человек. Если он и не соответствовал той роли, которую возложила на него русская история, то хотя бы честно старался ей соответствовать. И, пожалуй, эмигрантский период своей жизни великий князь прожил куда более достойно, чем прежние годы, хотя именно с этим периодом автор практически незнаком. Но в целом для понимания его жизни книга Ю.Н. Данилова играет немалую роль – если, конечно, отбросить безудержную апологетику...

Редакция

Глава I

Вместо предисловия

Великий князь Николай Николаевич! Кто не слышал об этом имени? Кто не судил о его деятельности, иногда вкривь и вкось! Первый русский Верховный главнокомандующий в период участия России в мировой войне, лицо, стоявшее во главе огромной пятимиллионной армии; человек, имевший на своей ответственности задачу защиты огромного государства, составлявшего 1/6 часть всей суши земного шара. Через ряды этой армии за время командования ею великим князем прошли, по крайней мере, еще столько же миллионов людей, собранных со всех концов России.

Подчиненную ему армию он умел вести к великим победам; ее достоинство он сумел сохранить и в период тяжких неудач.

Окончательное суждение о нем принадлежит, конечно, истории, для выводов которой мы все еще очень близки к событиям. Но на нашей обязанности и ответственности лежит сбор и сохранение обо всех исторических лицах современной нам эпохи подробностей их жизни и деятельности, так как только в этом случае образ и значение этих лиц могут быть впоследствии воспроизведены с наибольшей точностью и беспристрастностью.

По внутреннему смыслу всех русских законов высшее начальствование над всеми сухопутными и морскими силами, предназначенными для военных действий, могло вверяться особому Верховному главнокомандующему только в том случае, если царствовавший император не выразит желания принять на себя предводительствование войсками лично.

Отсюда и самое название «Верховный главнокомандующий», под которым надлежало понимать лицо, облеченное в отношении командования армиями особым доверием носителя верховной власти. В силу этого доверия никакое правительственное учреждение или лицо в империи не могло ему давать никаких предписаний, как равно не могло и требовать от него отчетов.

Таковы были основные указания русского «Положения о полевом управлении войск в военное время». Они строго отвечали существовавшему до войны монархическому строю Российского государства. Предполагалось, что в случае большой войны, угрожавшей существованию или достоинству Русского государства, русский царь станет во главе своих вооруженных сил и тем объединит для предстоящей борьбы силы и средства всей страны.

Однако царствовавший в 1914 г. император Николай II не обладал данными, необходимыми для крупного военачальника. По-видимому, он отдавал себе сам в этом отчет, хотя в соответствии со своим характером и из-за опасения причинить ущерб своему положению оставлял вопрос о верховном командовании в случае войны с Центральными державами в недостаточно определенном положении. Кроме отсутствия необходимых теоретических знаний и твердой воли император Николай II должен был считаться также и с отсутствием у него личного опыта в предводительствовании хотя бы в мирное время крупными вооруженными силами. Произошло это из-за раннего вступления на престол по смерти своего отца императора Александра III. Не мог он также внутренне, перед самим собой, не сознавать, что личный авторитет его был в известной части русского общества поколеблен роковой внутренней политикой его царствования, неудачей в Русско-японской войне и революционными переживаниями страны 1905 г., поставившими очень остро вопрос о переходе страны к конституционному строю и о дополнительном наделении крестьянского населения землей.

Тем не менее масштаб возникшей войны требовал в монархическом государстве самого ближайшего участия в ней хотя бы членов императорского дома. Таковое же могло полнее всего выразиться в назначении государем себе заместителя в действующей армии

по должности Верховного в лице одного из старших по возрасту и наиболее близких армии великих князей.

За подобное решение была и традиция предшествовавшей Русско-турецкой войны 1877 г., в которой главнокомандующими на Европейском и Азиатском театрах войны являлись, как известно, старшие по возрасту и авторитету великие князья императора Александра II.

При вопросе, поставленном именно так, в разгоравшейся войне 1914 г. не могло быть иного кандидата на пост Верховного главнокомандующего, кроме великого князя Николая Николаевича. Несомненно, что среди всех членов царствовавшего дома он был наиболее крупной, яркой и своеобразной личностью и что поэтому он и являлся наиболее достойным представителем дома Романовых в тяжелый период мировой войны.

Эти данные, выделявшие великого князя Николая Николаевича из среды остальных членов императорской фамилии, одновременно служили предметом личной к нему зависти и ревности одних, преклонения и почитания других, в особенности принимая во внимание его высокое положение в армии.

Однажды мне пришлось быть свидетелем одной небольшой, но очень характерной сценки:

– Зачем Вы, Ваше Высочество, будучи простужены, вздумали выехать на Крещенский парад при 15-градусном морозе, – отечески выговаривал мой приятель-воспитатель одному из великих князей, который по степени родства стоял много ближе к царствовавшему императору, чем великий князь Николай Николаевич.

– Не мог же я заявить о своем нездоровье, когда меня пригласил ехать с собой такая «великая персона», как Николай Николаевич, – ответил спрошенный.

Великокняжеская молодежь называла его Грозным Дядей, выражая этими словами не столько боязнь его подчас резкого и жестокого слова, сколько чувство почитания и подсознания его превосходства. Это поклонение особенно ясно подчеркивалось в Ставке во время наездов туда членов императорского дома, державшихся всегда в отношении великого князя с некоторым чувством подобострастия.

Великий князь Николай Николаевич поражал всех впервые его видевших прежде всего своей выдающейся царственной внешностью, которая производила незабываемое впечатление. Чрезвычайно высокого роста, стройный и гибкий, как стебель, с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные, черты его открытого и благородного лица, обрамленного небольшой седеющей бородкой клином, с остро пронизывающим взглядом его глаз дополняли его характерную фигуру. Порывистые же движения и нервная, но всегда глубоко искренняя речь зачаровывали собеседника, который легко поддавался под влияние его слов.

Во всем его всегда благородном и решительном облике сконцентрированы были все те внешние черты, которые всегда подчеркивались в царствовавших лицах дома Романовых и которые так нравились и притягивали к этим лицам многих и многих русских людей!

Но у великого князя Николая Николаевича кроме его внешних качеств были и свои, одному ему присущие внутренние данные, делавшие его желательным на посту Верховного главнокомандующего в минувшую войну. Звание главнокомандующего русской армией во время войны являлось в его колене до некоторой степени как бы преемственным. Мы должны здесь вспомнить, что его отец великий князь Николай Николаевич Старший несколько десятков лет тому назад являлся главнокомандующим русскими войсками в турецкую войну 1877–1878 гг. на европейском театре военных действий. Война эта в свое время являлась очень популярной, и имя великого князя главнокомандующего глубоко врезалось в памяти не только русских людей, но и народов Балканского полуострова.

Это обстоятельство должно было иметь большое значение при избрании Верховного главнокомандующего в войну 1914 г., так как несомненно, что эта война в отношении западных славян имела тот же характер войны освободительной. Деятельность сына великого князя Николая Николаевича Старшего, продолжающего дело своего отца, должна была привлечь к нему сердца всех западных славян и создать его имени широкую популярность, особенно после изданных им воззваний к славянским народам, о которых речь будет впереди.

Великий князь Николай Николаевич, будучи молодым офицером, впрочем, и сам принял деятельное участие в войне 1877–1878 гг., показав этим свое горячее участие к делу освобождения славян. В течение этой войны он приобрел боевой опыт и получил свои первые боевые награды.

Ко всему этому надо еще добавить получение им как солидного высшего военного образования, так и значительного опыта путем окончания Военной академии и долголетней выдающейся службы в армии. Великий князь почти накануне турецкой войны 1877–1878 гг. блестяще окончил курс Академии Генерального штаба с серебряной медалью и с самых молодых лет проявлял склонность к военной службе, близко сроднившись с войсками. В их рядах он прошел ответственные должности командира полка и начальника дивизии. Затем в должности генерала-инспектора кавалерии он руководил боевой подготовкой русской конницы, и самые злейшие враги великого князя не могут ему отказать в признании за ним исключительных заслуг, которыми ознаменовалось его пребывание во главе русской кавалерии.

В 1905 г., в самый разгар революционных волнений, он был назначен на ответственную должность главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, с каковой должностью он совмещал одно время и пост председателя вновь образованного тогда Совета государственной обороны. В этот период времени ему пришлось очень близко изучить вопрос о причинах существовавшего в стране недовольства и определенно высказаться о тех мерах, которые могли бы спасти положение в государстве.

Известно, что призванный царем граф Витте находил единственным выходом из положения переход к конституционной системе управления страной. Впрочем, им указывался и другой путь – путь облечения особо доверенного лица полнотой диктаторской власти для подавления до конца всяческих стремлений к установлению свободного образа жизни. Но, говорил граф Витте, для этого надо найти лицо, верящее в спасительность этой меры. Сам же он ей не верил и поэтому этот второй путь считает для себя неприемлемым.

Вполне очевидно, что обязанность тушителя волнений в этом случае должна была пасть на великого князя Николая Николаевича, по его положению главнокомандующего войсками столичного округа. Но последний решительно высказался против этого. Он находил, что военная диктатура неосуществима вследствие недостаточности и расстройств войск, вызванных едва закончившейся войной с Японией, и определенно указал, что его личное сочувствие на стороне точки зрения графа Витте. Император Николай II, как известно, принужден был уступить. Таким образом, великий князь Николай Николаевич, о котором шла молва как о реакционере, в действительности в решительный период жизни русского народа оказался на его стороне, сумев отречься от ему привитых с раннего детства самодержавных тенденций.

Находясь в должности председателя Совета государственной обороны, великий князь имел возможность близко подойти также к целому ряду общегосударственных дел; будучи же вместе с тем председателем Высшей аттестационной комиссии, он успел близко ознакомиться и с высшим командным составом почти всей русской армии.

Осенью 1902 г. великий князь Николай Николаевич был предназначен императором Николаем II к командованию войсками Германского фронта на случай войны с Центральными державами. Предназначение это сохранялось в силе примерно до 1908 г., и оно было

сделано в предположении, что государь примет в этом случае верховное главнокомандование, а генерал-адъютант Куропаткин – главнокомандование австро-румынским фронтом.

Наконец в январе 1904 г., в представленный государю императору Николаю II военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным список лиц, которые могли бы командовать Маньчжурской армией по случаю предстоящей войны с Японией, было внесено и имя великого князя Николая Николаевича. Впоследствии это имя было вычеркнуто, вероятно, ввиду желания государя иметь вблизи себя лицо, могущее заменить на посту главнокомандующего столичным округом много болевшего уже в то время великого князя Владимира Александровича.

Однако уже в ноябре месяце того же года (после неудачи при Ляояне и на Шахэ), когда возникали опасения за конечную судьбу Русско-японской войны, а русское общество постигло разочарование в успехах стратегии генерала Куропаткина, рекомендовавшего «терпение и терпение», слухи о предстоящем назначении великого князя главнокомандующим в Маньчжурии возникли снова. Они имели некоторое основание, и великий князь уже стал подбирать среди близких к нему лиц некоторых штабных сотрудников.

По мере назначения великого князя на более ответственные должности имя его становилось постепенно все более известным не только в России, но и за границей. Этому последнему способствовали частые наезды в столицу и ее окрестности членов других царствовавших домов при посещении ими русского императора. Кроме того, незадолго до войны великий князь, окруженный блестящей свитой, посетил и сам Францию, где сумел произвести сильное впечатление и где на него установился взгляд как на будущего русского Верховного главнокомандующего в случае войны с Центральными державами.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, создали в русской армии такое впечатление, что к началу мировой войны великий князь Николай Николаевич признавался ею единственным неоспоримым кандидатом на пост Верховного главнокомандующего. Другого имени русская армия не знала.

Наоборот, в придворных сферах великого князя не все любили. Вернее, боялись его популярности и не доверяли ему, памятуя ту позицию, которую он занял в 1905 г. Эти обстоятельства явились причиной того, что в период мобилизации, когда выяснилась вероятность войны и когда состоялось решение государя, подсказанное ему Советом министров, остаться вне действующей армии, был выставлен в качестве второго кандидата на пост Верховного военного министра генерал-адъютант Сухомлинов.

Это был человек умный, способный, но крайне легкомысленный, почти до преступности, принимая во внимание его высокое служебное положение. Я не имею никаких данных, подтверждающих предъявленные ему в свое время обвинения в государственной измене, и скорее склонен согласиться с мнением, что его падение являлось одной из искупительных жертв за грехи старой России. Но все же не могу пройти равнодушно мимо мысли о том, что существовала возможность видеть это лицо, лишенное чувства моральной ответственности, во главе русской армии в столь серьезное для России время, как война 1914–1917 гг.

Конечно, русская армия имела много более достойных имен, чем имя В.А. Сухомлинова, но кто же полнее великого князя Николая Николаевича ответил бы всей совокупности тех требований, которыми должен был обладать русский Верховный главнокомандующий во внезапно надвинувшейся войне?

Такого лица не было, и 2 августа 1914 г., т. е. на следующий день по объявлении Германией войны России, великий князь Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим русской армией.

Но внизу находился еще 170-миллионный народ. Примет ли он его? Назовет ли его своим вождем?

Вопрос далеко не праздный. Современная война требует сочувственного участия в ней народных масс и потому наличия наверху «народного» вождя.

Я думаю, что едва ли ошибусь, сказав, что до войны великого князя Николая Николаевича вне придворных политических и военных кругов знали только понаслышке. В обществе ходили разного рода анекдотические рассказы о его служебной требовательности, порывистости, даже некоторой резкости. Рассказы эти распространялись в гостиных всего больше военную же молодежью, но в общем они служили великому князю больше на пользу, придавая ему облик человека с твердой волей и непреклонным характером. Так как война есть дело прежде всего «волевое», то приписывавшиеся великому князю черты характера только поднимали его на известную высоту как военачальника.

Крайние оппозиционные партии, которые со времени революции 1905 г. не переставали быть активными, считали его твердым охранителем «старых» порядков. Такое мнение объяснялось самим происхождением великого князя, кроме того, его крутым характером, значительно, однако, сгладившимся с течением времени, и еще тем, что, стоя во главе стольного военного округа, великий князь должен был нести на себе бремя подавления народных беспорядков в Петербурге и его окрестностях, переполненных рабочими и матросами. Войскам гвардии пришлось к тому же принимать решающее участие в усмирении восстаний в Москве и Прибалтийском крае.

Однако в противовес этим обстоятельствам в обществе были широко распространены слухи об активном вмешательстве великого князя в пользу дарования государем императором населению России акта 17 октября 1905 г. Решение о созыве Государственной думы не без основания открыто приписывалось влиянию графа Витте и великого князя Николая Николаевича. Подтверждением тому как бы служило то тайное недоверие, которое с тех пор, безусловно, образовалось по отношению к великому князю при дворе. Из каких бы чувств его недоверие в действительности ни происходило, оно при оппозиционном настроении массы населения и русской общественности только способствовало созданию вокруг имени великого князя известного ореола.

Что касается массы простого народа, по преимуществу русского крестьянства, то вернее всего предположить, что имя великого князя Николая Николаевича до войны едва ли доходило до его слуха вообще. В довоенное время это крестьянство стояло очень далеко от государственной жизни. Разъединенное большими расстояниями и плохими сообщениями, оно жило только своими хозяйственными нуждами, и его интересы едва ли шли далее горизонта, очерченного «местной колокольной».

Возможно, впрочем, что о высоком служебном положении в армии, выдающейся внешней фигуре и суровой требовательности великого князя отдельные рассказы и доходили до деревни вследствие комплектования армии лучшими в физическом отношении людьми со всех концов безбрежной России.

Но с наступлением войны и назначением великого князя Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего популярность его в армии и в стране стала расти сразу не по дням и даже не по часам.

Война требует красочных фигур, и влияние их на солдатскую массу и простой народ огромно. Толпа охотно награждает своих избранников всеми теми данными, в наличии которых воплощается ее представление о качествах истинного вождя. Что в том, что ее герои не всегда являются действительным отражением людей, с которых они списываются! Важно ведь, чтобы под их водительством легче было идти на страдания и смерть!

Не раз приходилось слышать легендарные рассказы, создававшиеся о великом князе в рядах армии. В воображении солдат и даже рядового офицерства он всегда появлялся в наиболее опасных местах боя, привозил в своем поезде недостававшие войскам снаряды и патроны, «разносил» неспособных генералов и строго следил за солдатским благополу-

чием. И всегда и всюду он являлся защитником интересов армии, а в пределах последней – «серой солдатской шинели». Это ли не настоящая народная популярность в период большой и опасной войны!

Замечательно при этом то, что народная популярность не изменила великому князю даже тогда, когда русская армия, лишенная необходимого боевого снабжения и пополнений, принуждена была под напором соединенного германо-австрийского натиска летом 1915 г. начать свой отход из Галичины, а потом из Польши. В этом тяжком несчастье винили всех, но не его.

Мной было уже упомянуто, что активное вмешательство великого князя Николая Николаевича в пользу предоставления в 1905 г. населению России конституционных начал создало ему при дворе массу врагов и недоброжелателей. Одни обвиняли его в излишней слабости перед грозно надвинувшимися событиями, другие – в честолюбивых замыслах овладеть тронем, третьи – в склонности к либерализму. Для нас важно отметить лишь самый факт присоединения великого князя к мнению графа Витте о необходимости уступок народным желаниям и то благородное достоинство, с которым великий князь себя держал по отношению к тем лицам, которые работали против него; эти обстоятельства во многом способствовали в период самой войны изменению отношения к великому князю даже оппозиционных кругов.

К тому же в период войны, войдя в более близкое соприкосновение с действительностью и испытывая все возрастающую тревогу за самую возможность при создавшихся условиях довести войну до благополучного конца, великий князь Николай Николаевич имел основание еще более утвердиться в мысли о необходимости принятия мер к возбуждению во всем русском народе необходимого пафоса путем закрепления за ним дарованных ему политических прав и сближения власти с общественными силами.

Оставаясь убежденным сторонником преимуществ для России монархических начал и, по-видимому, поколебленный лишь в святости самодержавного строя, великий князь Николай Николаевич был глубоко потрясен июньским погромом 1915 г. в Москве, во время которого открыто бросались угрозы и оскорбления по адресу царствовавших особ и того внутреннего режима, который все настойчивее проводился в России под влиянием окруживших престол «темных сил». Желая сделать попытку спасения положения, великий князь Николай Николаевич открыто высказался в пользу течения, уже давно возникшего в пределах Совета министров и находившего необходимым коренным образом изменить взятую политику, путем привлечения к власти общественных сил и духовного сближения с народом. Движение это, как известно, возглавлялось главноуправляющим земледелием А.В. Кривошеиным и поддерживалось министром иностранных дел С.Д. Сазоновым.

В этот период времени положение на фронте было очень тяжелым и всеми сознавалась необходимость найти новые силы для возможности усиленного продолжения войны. В Ставке к этой скромной программе добавляли еще необходимость обеспечения тесной внутренней связи между фронтом и тылом.

Несмотря на то что одновременно вокруг верховной власти работали и другие течения, император Николай II на сей раз, по-видимому, склонился на сторону тех советчиков, которые являлись отголоском общественных желаний.

Первым доказательством этого поворота явилась замена наиболее непопулярных министров новыми, более приемлемыми.

Затем блеснул еще более яркий луч надежды. День 27 июня 1915 г. составил памятную дату в жизни Ставки. В это число в ней должно было состояться под председательством императора соединенное совещание частично обновленного Совета министров с высшими чинами верховного главнокомандования. Это была первая встреча Совета министров в полном составе с Верховным главнокомандующим русской армией. То, что должно было слу-

читься в первые же дни войны, имело место почти только через год или немногим менее. Подробности этого знаменательного дня читатель найдет далее, в соответствующем месте книги. Здесь же достаточно будет отметить, что в результате этого совещания решено было возможно скорее созвать Государственную думу, «дабы выслушать голос земли Русской», и призвать общественные элементы к тесному сотрудничеству с властью в области снабжения.

Резолюция эта, хотя и достаточно растяжимая по форме, трактовалась тогда как торжественное обещание государя изменить реакционный курс правительственной политики.

Однако данные обещания весьма скоро оказались иллюзорными. Наиболее передовые министры, настаивавшие на необходимости примирения власти с общественными силами и совместной работе с Государственной думой, принуждены были постепенно оставить свои посты. Вскоре и великий князь должен был оставить вверенный ему пост Верховного главнокомандующего русской армией, и Россию с новой силой стал тянуть злой рок к той пропасти, которая окончательно развернулась перед ней в 1917 г.

О вынужденном уходе великого князя на Кавказ искренно горевали все, не исключая союзников; вступление же в командование всей армией императора Николая II было встречено с недоверием и унынием. Такова была вера в ушедшего.

Военные успехи 1916 г., достигнутые русскими войсками над турками под водительством прибывшего на Кавказский театр нового главнокомандующего, еще более увеличили популярность великого князя в России. Будучи командующим одной из армий на Европейском театре, я лично видел еще в 1917 г., уже в революционный период, портреты великого князя в простых крестьянских избах. Народное сознание не хотело расстаться с ним, как с признанным вождем русской армии.

Наконец, в том же 1917 г., когда был поставлен вопрос об отречении императора Николая II от престола, великий князь целиком присоединился к мнению всех высших в армии командующих лиц о необходимости, в интересах доведения войны до победного конца, этого акта. Тот, кто знал великого князя, хорошо может оценить, каких внутренних страданий стоило ему это мнение! Тем не менее благо России, связывавшееся в то время с актом отречения царя, вновь заставило его отречься от собственных ощущений и идти в направлении общего желания. Общим голосом старших военных начальников имя великого князя Николая Николаевича было снова выдвинуто в качестве неоспоримого кандидата на пост Верховного главнокомандующего.

Последним актом последнего русского монарха было подписание указа о назначении на названную должность великого князя Николая Николаевича.

С ним во главе Русская армия пожелала вступать в новый период русской истории.

Великий князь не отвернулся от предложенного ему креста. Он выразил готовность служить русскому народу в тех условиях, которые были ему предложены. С этим интересным для характеристики великого князя моментом читатель ознакомится более подробно при описании истории одного заговора.

Лишь отречение великого князя Михаила Александровича от всероссийского престола, прекратившее царствование династии Романовых в России, сделало в глазах Временного правительства и революционной демократии невозможным пребывание лица царского корня во главе армии.

Великий князь, находясь уже в Ставке, и на этот раз подчинился обстановке. Любовь к России превозмогла все остальные в нем чувства. Он добровольно принял решение и удалился в изгнание...

Изложенные данные дают твердое основание констатировать тот факт, что великий князь Николай Николаевич приобрел в течение войны в русском народе огромную популярность, которую не поколебали не только наступившие в 1915 г. военные неудачи, но и позднейшие внутренние переживания России, в конце концов вылившиеся в революцию 1917 г.

Невольно возникает вопрос, где разгадка этого на первый взгляд непонятного явления, заключающаяся в том, что популярность, родившаяся в период строгого царствования в России самодержавного монархизма, не только не уменьшилась, но даже упрочилась в период нарастания недовольства этим строем, недовольства, доведенного до приятия русским народом в целях борьбы с этим строем болезненных революционных форм.

Я полагаю, что разгадка эта лежит, несомненно, в личности самого великого князя, находившейся в полном соответствии с тем переломным периодом русской истории, в течение которого данному лицу пришлось находиться в первых рядах действующих лиц.

Мировая война, несомненно, лежала на границе двух периодов новейшей русской истории, периодов довоенного и послевоенного, весьма разнообразных по своей внутренней сущности. Первый из этих периодов характеризуется в общем постепенным изживанием остатков – если позволено будет так выразиться – прошлого крепостничества. В течение этого периода, конечно, были еще очень сильны самодержавные настроения, выражавшиеся в необыкновенной, доходившей до самозабвения любви к монарху как к помазаннику Божию и лицу, воплощавшему в себе мощь и величие Родины. Любить Родину – это значило любить ее монарха, такова была упрощенная форма патриотизма большинства русских людей того времени. Высшим носителем этих настроений был император Александр III.

В этот-то период времени и начал складываться в определенную величину великий князь Николай Николаевич. Принадлежа к составу царской семьи, воспитанный в духе религии и высокого обожания монарха, высокоодаренный задатками всех рыцарских достоинств, великий князь впитал и сохранил в себе самую возвышенную преданность монархическому принципу. Но, с другой стороны, великий князь видели умаление этого принципа, следовавшее в период последнего царствования и происходившее из-за окружения верховной власти недостойными людьми. Эти люди, пользуясь самодержавным характером власти, направляли ее во вред народу. Великий князь, в силу своего рыцарского характера и превалировавшей в нем над всеми остальными чувствами любви к Родине, не мог не откликнуться на заявленное русским народом законное право распоряжения собственной судьбой. Его отзывчивость, хотя и сдерживаемая полученным воспитанием, которое связывало великого князя всеми нитями его жизни с прошлыми настроениями, выражалась во всех тех стремлениях и поступках, которые давали право считать его в придворных кругах опасным оппозиционером и которые, наоборот, привлекали к нему симпатии и популярность русского народа.

Великий князь, глубоко благородный, с заложенным стремлением к справедливости, беззаветно преданный своей Родине, внутренне чувствовал наступление нового времени, в котором высшей властью должна была стать воля народа. В этом смысле он был человеком своего переходного времени.

Только тот, кто сам перешел под влиянием жизненной реальности от детски-наивной веры в чистоту самодержавного монархизма, отождествлявшегося с величием Родины, к постепенному признанию за народом права распоряжаться собственной судьбой, даже вне зависимости от фактической пользы такого распоряжения, только тот вполне подготовлен овладеть пониманием личности великого князя Николая Николаевича и точно объяснить себе его позицию, полную страданий по старым разбитым идеалам и внутренней борьбы между уходящим старым и народившимся новым. Русский народ инстинктом уловил в великом князе Николае Николаевиче колебание этих струн, и в этом разгадка его популярности.

Об этом рыцаре-человеке, для которого превыше всего было счастье горячо любимой им Родины, русский народ и впредь сохранит благодарное воспоминание.

Глава II

Молодость великого князя Николая Николаевича

1. Его семья

Будущий Верховный главнокомандующий Русской армии был внуком императора Николая I и старшим сыном великого князя Николая Николаевича Старшего от брака его с великой княгиней Александрой Петровной, рожденной принцессой Ольденбургской. Николай Николаевич отец, или Старший, как ему повелено было именоваться царствовавшим императором, был третьим сыном императора Николая I. Он занимал с 1856 г. должность генерал-инспектора по инженерной части, а с 15 августа 1864 г. генерал-инспектора кавалерии и одно время командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. В период турецкой войны 1877–1878 гг. он был главнокомандующим русскими войсками на Европейском театре, и под его водительством русские войска в феврале 1878 г. подошли к Константинополю.

Семья Ольденбургских много лет проживала в Петербурге. Отец принцессы Александры Петровны, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, приобрел почетную известность своей деятельностью, много лет стоя во главе учебного и благотворительного ведомства императрицы Марии; равным образом и один из его сыновей – принц Александр Петрович Ольденбургский – проявил много искреннего стремления послужить России, сначала на военной службе, занимая последовательно ряд должностей, от командира лейб-гвардии Преображенского полка до командира гвардейского корпуса включительно, затем по филантропической части и, наконец, во время мировой войны – в созданной, по-видимому, специально для него должности Верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

Человек он был глубоко честный, безгранично преданный тому делу, которое ему поручалось, но с крайне бурным, почти сумасбродным характером. Эти черты характера являлись у него семейными, и несомненно, что та несдержанность и строптивость, которая замечалась у великого князя Николая Николаевича Младшего и которая всегда подчеркивалась его недоброжелателями, была наследственной чертой, унаследованной им со стороны матери, вместе со многими прекрасными и благородными чертами, проявлявшимися в течение всей его долгой жизни.

Великий князь Николай Николаевич родился 19 ноября 1856 г.² У него был только один брат, великий князь Петр Николаевич, здравствующей и доньне. Наружные отношения их были неодинаковы: Петр Николаевич боготворил брата, нежно о нем заботился и не покидал его во время войны ни в Ставке, ни на Кавказе. Что касается Николая Николаевича, то, если можно так выразиться, он «позволял себя любить», все же нуждаясь, по-видимому, в моральном одобрении своих поступков братом. Любовь Петра Николаевича к старшему брату была глубоко трогательной и вместе с тем образцовой в том именно смысле, что никогда и нигде Петр Николаевич не позволял себе вмешиваться в официально-служебную часть жизни своего брата, оставляя его «личным другом лишь в области внутренней», т. е. именно там, где великий князь более всего мог чувствовать свою изолированность. В этом смысле Петр Николаевич обладал удивительным тактом, вызывавшим к нему уважение всех тех, кто его знал, в особенности во время мировой войны.

² Все числа по новому стилю.

Семейная жизнь великого князя Николая Николаевича Старшего не сложилась. Семье его пришлось испытать и моральные разочарования, и материальные затруднения. Даже дворец, принадлежавший великому князю Николаю Николаевичу Старшему и специально, по случаю женитьбы, для него выстроенный, пришлось в конце концов уступить казне, приобретшей его для Ксенинского женского института. Пока росли дети, семья кое-как еще держалась, но с годами у Александры Петровны, женщины очень религиозно настроенной, явилось убеждение в необходимости изменить свою жизнь коренным образом. Она долго колебалась в выборе решения, отвечавшего ее мировоззрению, и лишь случай помог ей найти достойный выход. Общеизвестно религиозное значение Киева для русского народа. Старинная Киево-Печерская лавра, за стенами которой на протяжении веков проживал ряд многочисленных и высоко почитавшихся угодников, являлась всегда средоточием русской православной мысли и центром народного паломничества. Под сильным впечатлением рассказов киевских иерархов, приезжавших в Петербург, тяготившуюся светской жизнью великую княгиню захватила мысль о подвижничестве. Следуя этому влечению, она рассталась навсегда со столицей, переехала в Киев и стала во главе основанного ею же Покровского монастыря. Прекрасный собор, больница, общежитие и ряд других полезных учреждений были ею основаны и выстроены на крутом берегу Днепра, в исторической местности, именуемой Щекавицей, по имени одного из трех братьев (Кий, Щек и Хорив), основавших, по преданию, южную столицу Руси, расположившуюся при слиянии Днепра с рекой Лыбедью, ныне уже высохшей, но когда-то красивой и могучей, получившей свое название по имени единственной сестры трех названных братьев – основателей Киева. Там, в этом монастыре, великая княгиня Александра Петровна много лет спустя и закончила свое земное существование. Там она и похоронена, будучи наречена в иночестве Анастасией.

Сыновья великой княгини, оказывавшие ей всю жизнь знаки глубокого почитания, были, по-видимому, в семейных неладах на стороне матери. Для более экспансивного из них, великого князя Николая Николаевича, этот разлад, насколько приходилось слышать, был одной из причин его несколько холодного отношения к отцу. Не раз ему приходилось отстаивать положение матери перед слишком открытым игнорированием ее лицами, вновь окружившими его отца – человека слишком слабой воли и легко поддающегося под чужое влияние. Зная об этой позиции великого князя Николая Николаевича (Младшего) лишь по рассказам, я, впрочем, был уже сам очевидцем того уважения и внимания, которые оказывались им в период мировой войны родному брату его матери принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Последний, обуреваемый всегда лучшими стремлениями, но не сдерживаемый никем в своем не знавшем преград характере, обыкновенно вихрем врывается в размеренную рабочую жизнь Ставки, требуя исключительного внимания к волновавшим его вопросам, в общем второстепенным с точки зрения масштаба тех дел, которые озабочивали Ставку. И всегда Верховный главнокомандующий выслушивал его со вниманием и терпением!

Со времени переезда великой княгини Александры Петровны в Киев оба ее сына весьма часто навещали ее в новом месте жительства. Будучи уроженцем Киевской губернии и часто в молодости бывая в этом городе, я хорошо припоминаю на фоне киевского ландшафта две стройные молодые высокие фигуры великих князей, которые можно было встретить проезжавшими в экипаже по улицам этого исключительно живописного города. Люди, служившие вместе с великим князем, также рассказывают о том, что всякий раз, когда Николаю Николаевичу доводилось бывать поблизости Киева, он неизменно заезжал навестить в этот город свою мать. Надо думать, что от нее же шла та исключительная религиозность, которую великий князь сумел сохранить до самой своей смерти.

Великий князь Николай Николаевич (Младший) был смолоду зачислен в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк и в Гвардейский саперный батальон. Будучи с головы до ног

прирожденным воином, он оказался в юношеских годах уже настолько хорошо подготовленным в своих общих и военных знаниях, что легко поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Это был первый случай поступления великого князя в высшее военное учебное заведение, пример, которому лишь через ряд лет последовал его двоюродный брат великий князь Николай Михайлович. Окончив с малой серебряной медалью академию и записанный в ней на мраморную доску, великий князь Николай Николаевич был зачислен в список офицеров Генерального штаба и получил звание флигель-адъютанта покойного императора Александра II.

Открывшаяся вслед за тем Освободительная война 1877–1878 гг. с Турцией дала ему возможность уже на практике применить и проверить теоретически приобретенные им познания.

2. Великий князь – участник войны 1877–1878 гг.

Уже 11 апреля 1877 г. молодой великий князь Николай Николаевич прибыл в свите императора Александра II, в Кишинев – главный город Бессарабии, откуда должно было начаться движение русских войск через Румынию к Дунаю.

Как известно, его отец, великий князь Николай Николаевич Старший, с объявлением Россией войны Турции был призван на пост главнокомандующего Российской действующей армией на европейском театре. Вследствие этого он в первой половине мая выехал из Кишинева в небольшой румынский городишко Плоешты, где должна была обосноваться на первое время главная квартира. Русские войска в это время находились уже в движении к Дунаю. На сей раз в свите главнокомандующего находился и его сын, молодой великий князь Николай Николаевич.

После ряда торжеств и участия в поездке главнокомандующего в Бухарест для отдачи визита румынскому князю Карлу и присутствия на празднествах в память 11-й годовщины вступления последнего на румынский престол для великого князя началась боевая жизнь.

В двадцатых числах июня он уже сопровождает своего отца и его начальника штаба, генерала Непокойчицкого, в совершенно секретной разведке этими лицами участка р. Дуная, намечавшегося для производства на нем русскими войсками переправы через эту серьезную речную преграду шириной от 700 до 1200 саж. Разведка эта представлялась не только крайне ответственной, но до некоторой степени и опасной ввиду нахождения турецких войск на южном берегу Дуная.

Пунктом для переправы первоначально была выбрана местность близ г. Систово, против которого, на северном берегу реки, лежало небольшое румынское селение Зимница. В этом месте у Зимницы, за узким протоком, лежал ряд островов, способствовавших расположению на них артиллерии и скрывавших до известной степени спуск понтонов на воду и посадку на них русских войск. Однако низменное расположение этих островов и весенний разлив Дуная вызывали некоторое сомнение в возможности производства здесь переправы, поэтому в виде дополнительного варианта был намечен для переправы и другой пункт, против Никополя.

Личной разведке главнокомандующего предстояло, таким образом, решить окончательно вопрос о месте переправы русских войск через Дунай, и в выборе пункта переправы, конечно, сыграло не последнюю роль мнение великого князя Николая Николаевича – молодого офицера Генерального штаба, лишь недавно блестяще окончившего Военную академию и имевшего честь носить на левой стороне своего кителя академический значок.

Река Дунай под Никополем течет в одном русле, местность здесь представляется вполне открытой, а самый Никополь спешно укреплялся турками. В силу этих неблагоприятных

ятных условий было принято окончательное решение о производстве переправы на участке Систово, почему к Зимнице и были направлены те войска, которые предназначались для переправы в первую очередь. При них же следовали необходимые для данной операции средства и материалы.

Как известно, трудная переправа через Дунай на виду у неприятеля, совершенная при крайне неблагоприятной ветреной погоде, была блестяще выполнена в ночь на 28 июня. Ближайшее руководство ею принадлежало известному русскому генералу Драгомирову, командующему 14-й пехотной дивизией. Уже к вечеру того же числа русские войска прочно занимали командующие высоты правого берега р. Дуная. Турки сопротивлялись отчаянно и не раз доводили дело до штыков. Тем не менее они были принуждены к отступлению, частью на Тырнов, большей же частью на Рушук.

Потери русских были свыше 700 человек, из них большинство пришлось на первые эшелоны понтонов, среди которых несколько понтонов затонуло от массы полученных ружейных пробоин.

Интересно отметить, что на головном понтоне вместе с генералом Иолшиным и Генерального штаба капитаном Мальцевым находился также майор германской службы фон Лигниц. Все названные лица высадились в числе первых на турецкий берег.

Великий князь Николай Николаевич на все время переправы был прикомандирован вместе с генералом Скобелевым к генералу Драгомирову. Неся при отряде обязанности офицера Генерального штаба, он безотлучно оставался на берегу Дуная, следя за посадкой людей на понтоны. С последним эшелоном головной дивизии он и сам переправился на правый берег реки.

В таком виде представляется участие молодого великого князя Николая Николаевича в переправе русских войск через Дунай – одной из труднейших и ответственных операций на протяжении всей Турецкой войны.

На другой день по выполнении русскими войсками переправы князь Николай Николаевич был награжден за свое участие в ней государем императором Александром II орденом Св. Георгия 4-й степени.

Со времени операции переправы через Дунай у великого князя установились чувства особого почитания к генералу Драгомирову, впоследствии известному начальнику Николаевской Академии Генерального штаба, а с 1889 г. – командующему войсками Киевского военного округа. Генерал этот был одним из замечательных военных писателей в России, стоявших за индивидуальное развитие бойца и его моральных качеств. Естественным следствием проводившейся им системы обучения должны были быть наступательный образ действий и штыковой удар. Излишнее увлечение огнем он пренебрежительно называл «огнепоклонничеством». Такая система воспитания, сохраняя свою жизненность как педагогический прием до известной степени и по настоящее время, находилась в то время в полном соответствии со свойствами тогдашнего малосовершенного огнестрельного оружия. Будучи связана с порывом вперед, столь свойственным натуре молодого великого князя, система эта пленила его, и он незаметно для себя, хотя и в другом роде оружия, стал впоследствии одним из талантливейших последователей М.И. Драгомирова.

То уважение, которое великий князь питал к генералу Драгомирову, выражалось в неизменном посещении его каждый раз, когда великий князь бывал впоследствии в Киеве, а также в той радости и в том почете, с которым великий князь неизменно принимал у себя в Петербурге умного чудака «Михаила Ивановича».

Бывший командующий войсками Киевского военного округа, суровый и требовательный по службе генерал Драгомиров был у себя дома чрезвычайно приятным собеседником и необыкновенным хлебосолом. Он очень любил хорошую кухню и не отказывался за едой от стакана доброго вина. Его супруга, милейшая и добрейшая София Абрамовна Драгомирова,

была в соответствии со вкусом своего мужа не только прославленной хозяйкой и руководительницей обширного дома, но и известной едва ли не всей России составительницей особой кулинарной книги. Великий князь, отличавшийся также исключительным гостеприимством и, в свою очередь, обладавший искусством составления тончайших меню, легко мог поспорить с ней в этих своих знаниях, и угостить старика Драгомирова так, чтобы он остался доволен, было для него истинным удовольствием.

В дальнейший период турецкой войны великий князь нес некоторое время обязанности офицера Генерального штаба в отряде генерала князя Святополк-Мирского. Отряд этот должен был атаковать Шипкинский перевал со стороны Габрово, и, таким образом, участие великого князя в боевой работе этого отряда дало ему возможность ознакомиться на практике с трудными условиями горной войны.

За участие в переходе через Балканы великий князь получил золотое оружие с подписью «За храбрость».

Затем вплоть до отбытия великого князя главнокомандующего из армии, имевшего место в конце апреля 1878 г., его августейший сын, великий князь Николай Николаевич (Младший), оставался при главной квартире, выполняя от времени до времени те поручения, которые ему вверялись. Он имел вследствие этого достаточную возможность, чтобы на деле, в боевой обстановке, ознакомиться с бытом войск и с качествами офицеров и солдат русской армии, во главе которой через 36 лет ему пришлось стать в период небывалой мировой войны. Чуткий и восприимчивый по натуре, великий князь до тонкости изучил их свойства и потребности – знание, которое в большой мере содействовало укреплению того обаяния, которым впоследствии было окружено его имя.

Глава III

Заслуги великого князя в деле совершенствования русской конницы

1. Время службы великого князя в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. Командование полком

После войны 1877–1878 гг. молодой великий князь Николай Николаевич вернулся в Петербург и вступил в ряды лейб-гвардии Гусарского полка, в котором он числился почти от рождения и который стоял в Царском Селе, в 23 верстах от столицы. В полку великий князь командовал сначала 2-м эскадроном, причем нес службу наравне с прочими офицерами. Он сразу занял положение блестящего кавалерийского офицера, пунктуально выполнявшего все свои обязанности и заботливо относившегося ко вверенным его попечению людям и лошадям эскадрона. Затем некоторое время великий князь занимал должность штаб-офицера в полку, а в 1884 г. принял командование тот же лейб-гвардии Гусарский полк от своего прежнего командира, генерала барона Мейендорфа. В должности командира полка великий князь непрерывно состоял вплоть до конца 1890 г., т. е. в течение почти полных 6 лет. Уже в это время стали развлекаться его выдающиеся способности кавалерийского начальника. В руках молодого и энергичного 28-летнего командира полк, в котором служили офицерами члены лучших русских фамилий, стал выдающимся явлением в истории русской конницы того времени.

Надо заметить, что период командования великим князем полком совпал с периодом крайнего упадка, можно сказать, даже маразма всей русской кавалерии.

Генерал-инспектором кавалерии состоял великий князь Николай Николаевич Старший, уже больной, редко показывавшийся перед войсками и ничем не проявлявший своей постепенно угасавшей инициативы. Старая школа императора Николая I крепко держалась в русской коннице со всей ее рутинной. Зимой ездили только в манеже, рысью или укороченным галопом, доводя скорость последнего едва ли не до скорости пехотного шага. Обращали внимание только на оттягивание каблука вниз и колена назад. Летом хотя и оставляли манеж, но на открытом воздухе выбирали совершенно ровное поле, где занимались только плац-парадными учениями. Высшим искусством считалось умение произвести ученье «на пяточке», а пределом лихости считалось движение карьером, на расстояния, однако, не свыше 100–150 шагов.

Командиры эскадронов, покровительствуемые сверху, больше всего берегли тела лошадей. Шаг на походе и рысь при перестроении считались вполне нормальными аллюрами, и при малейшем усилии конной части лошади, как не втянутые в работу, задыхались и покрывались усиленным потом. В полках кавалерии служило много офицеров, которых привлекала в этот род оружия только красивая форма обмундирования, но которые, в сущности, не любили и не знали лошади; офицеры эти садились в седло редко, только по необходимости, и при этом крайне неохотно. Приходилось встречаться даже с таким явлением, что у некоторых кавалерийских начальников в армии не было собственных лошадей; в редких же случаях служебной необходимости они выезжали в строй на казенных строевых лошадях. Личный состав кавалерии, как, впрочем, и в других родах оружия того времени, не отсеивался; при отсутствии тренировки он преждевременно старился, с годами терял свои знания и ко времени получения высших должностей оказывался вполне непригодным как для пони-

мания современных требований, так и тем более для проведения их в жизнь. Выработывался тип особого командира – «ремешка», как тогда называли, или просто каптенармуса, который считал своей главной обязанностью сбережение казенного имущества в целях простого накопления полковых сумм, а иногда и просто собственного обогащения. Совсем недалеко было то время, когда командование частью, и в особенности конной, считалось известного рода «кормлением»...

Великий князь прежде всего сразу и круто изменил систему воспитания офицеров своего полка. На полковые средства были заведены собаки, и офицеры полка были выведены из манежа на простор царскосельских полей. Начались охоты «по зверю» и «искусственному следу», к которым привлекались все офицеры полка. Последние пошли навстречу своему командиру, щеголяли перед другими полками своими кровными лошадьми и душой отдались кавалерийскому спорту. Я хорошо помню, как с тех пор серые гусарские лошади и блестящие всадники в темно-синих венгерках с золотыми шнурами были наиболее частыми фигурами, победоносно мелькавшими на всех конных праздниках и ристалищах.

Глядя на них, подтягивались, конечно, офицеры и других полков.

Сам великий князь имел прекрасную конюшню и в строй чаще всего выезжал на крупных, выводных из Англии гунтерах, которые так шли к его высокой и статной фигуре. На все Красное Село известен был его безукоризненно белый молодой 6-вершковый выводной гунтер, не отказывавшийся ни от каких препятствий, горделиво взлетающий на артиллерийские брустверы и без колебаний бросавшийся оттуда со своим смелым всадником вниз. Держал великий князь, конечно, для себя и упряжных лошадей, на которых ездил всегда в шорной запряжке. В Царском Селе его чаще всего можно было видеть в шарабане, причем нередко он сам правил лошадьми; в Петербурге же он ездил в небольшой карете. Русской упряжки он, по-видимому, не любил, и русская троечная упряжка употреблялась им только в лагере в Красном.

Одновременно с любовью к полевой езде сам великий князь был также и тонким знатоком манежа. Офицерской ездой в полку он руководил лично, как в поле, так и в манеже.

Великий князь официальную часть своей жизни обосновал в районе расположения полка, в так называвшемся командирском домике, где он принимал по службе всех, имевших к нему дело. Нередко, раза 2–3 в неделю, он завтракал в офицерском собрании, что давало ему возможность ближе знакомиться с офицерским составом полка. За завтраком, общим для всех офицеров, великий князь выпивал обычную рюмку водки и стакан какого-нибудь легкого вина, не позволяя себе никаких излишеств, чтобы сохранить силы для дальнейшей дневной работы.

Таким образом, все рассказы о безмерном употреблении великим князем в молодости спиртных напитков в значительной мере преувеличены. В молодых годах великий князь любил не столько вино, сколько общее веселье, что составляет одну из очень характерных черт русской широкой натуры: «пей, да ума не пропей»... В более пожилых годах, например в бытность в Ставке, великий князь Николай Николаевич почти что ничего не пил. Но радушие, гостеприимство и любовь попотчевать гостя чем-либо особенным у него остались навсегда.

В бытность свою в полку эскадронным командиром великий князь в соответствии со своим служебным полковым положением сближался несколько короче лишь со старшими офицерами полка, сходясь иногда с ними на «ты». Но вполне близких, дружеских отношений у него в полку не было, что облегчило ему в будущем переход на должность командира полка.

Надо, однако, заметить, что в названном полку привыкли к довольно частым назначениям командирами полков своих же старших полковников, причем благодаря такту офицеров это не препятствовало вновь назначенному командиру становиться сразу в свое новое положение. Тем легче оказался такой переход для великого князя. По отзывам его однопол-

чан, вследствие продолжительного пребывания великого князя в полку между ним и полком выработалась некоторая как бы общность психологии, которая в конце концов спаяла полк с его командиром в одну общую монолитную массу.

По должности командира полка великий князь выбрал на освободившуюся вакансию полкового адъютанта ротмистра Крупенского, который оставался в этом звании во весь период пребывания великого князя во главе полка.

Офицер этот был одним из самых доверенных лиц великого князя Николая Николаевича и с оставлением последним полка перешел к нему на должность личного адъютанта. Впоследствии, в бытность великого князя Верховным главнокомандующим, М.Е. Крупенский был при нем генералом для поручений. Великий князь очень благоволил к нему, говорил ему «ты», и в моих ушах еще до сих пор слышится ласковый по интонации и резкий по тембру голос Верховного, зовущего в вагоне-столовой своего преданного бывшего полкового адъютанта уменьшительным окриком: «Крупа»!..

М.Е. Крупенский исполнял у великого князя обязанность как бы обер-гофмаршала. Он был одним из самых приближенных к великому князю лиц и дольше других сумел сохранить к себе привязанность великого князя.

Оставшись после революции в России, М.Е. Крупенский очень бедствовал, по имеющимся сведениям, умер в большой нужде.

В обращении с офицерами полка великий князь был по большей части сдержан, подавляя в себе ольденбургскую кровь, и никогда не позволял себе оскорбляющих резкостей.

Непослушная горячая кровь от времени до времени все же прорывалась, но чаще всего это было в пылу каких-либо строевых учений или по поводу их, почему вскоре все забывалось, тем более что после учения в офицерском собрании великий князь никогда не пропускал случая загладить неприятный осадок какой-либо шуткой или другим каким-либо знаком внимания к офицеру, оказавшемуся причиной раздражения.

На каждого из офицеров великий князь смотрел как на человека, добросовестно выполняющего свой долг, что и обязывало его оказывать всем должное доверие и уважение. Лишь встречаясь с невыполнением требований службы или – что еще было хуже – безразличным к ней отношением, он пользовался своей командирской властью, карая провинившихся, но всегда лишь в мере важности проступка. В этих случаях ни для кого у него не было пощады и даже самые старшие офицеры полка не могли рассчитывать на какое-либо снисхождение. Но ни к кому у него не оставалось злобы, как не было у него и любимчиков. Лишь одного офицера, крайне неисправного по службе, он прогрессивно росшими взысканиями вынудил оставить полк.

Для характеристики времени надо заметить, что в те отдаленные годы, о которых идет речь, полковых судов чести в русской армии еще не существовало. В гвардейских частях обязанность быть блюстителем чести полкового мундира лежала на старшем по чину офицере полка (старший полковник). В нужных случаях последний собирал негласно совет старших офицеров полка, которым и принадлежало суждение о поступке, вызвавшем в данном случае какое-либо сомнение. Таким образом, командир полка, в большинстве случаев назначавшийся из состава очередных кандидатов не своего полка, был облегчаем в своих обязанностях по наблюдению за частной жизнью офицеров полка, легко в своих подробностях ускользавшей в огромном море большого столичного города.

Заботливость великого князя к своим офицерам проглядывала во всех мелочах.

Мне рассказывали такой мелкий, но характерный случай. В полку служил офицер, который по состоянию своего здоровья не мог выносить вина. Чтобы иметь возможность участвовать в пирушках, устраивавшихся на общих собраниях, офицер этот вместо вина потягивал из кружки черный шведский портер, как известно, лишенный почти всякого алкоголя. Приближался полковой праздник, обычно праздновавшийся во всех полках русской

армии чрезвычайно торжественно. По обычаю за общим столом во время обеда командир полка предлагал поочередно офицерам выпить «чару зелена вина» из полкового серебряного ковша, весьма часто внушительных размеров.

«Посмотрим, как-то ты выйдешь из положения», – подсмеивались над непьющим его товарищи. Отказываться ведь не полагается: командир самолично подносит чару, а кругом все офицеры подпевают:

*Чарочка моя серебряная,
На золотом блюде поставленная...*

И вот настал день полкового праздника.

За обедом великим князем подносится чара непьющему. Офицер, с тревогой за свое здоровье поднимается, скрепя сердце берет из рук командира огромную чару и вдруг с благодарностью видит, что она наполнена не вином, а безвредным для его здоровья портером...

Он выпивает чару за полк до дна. Обычай соблюден, и здоровье офицера сохранено... Столь тонкое, скажу, чарующее внимание к окружающим было характерной чертой великого князя.

Что касается полковых хозяйственных забот, то великий князь предпочитал оставлять их на попечении своего помощника по хозяйственной части. Счастливая случайность дала ему возможность делать это без ущерба полку и делу. В лице полковника графа Т. великий князь, по отзыву служивших в то время в полку, имел твердого, независимого и рачительного помощника, который не нуждался ни в указаниях, ни в наблюдении. Обстоятельство это, конечно, очень облегчало великого князя в командовании полком и позволяло ему сосредоточить все силы и все внимание на строевой подготовке полка.

Тактическими занятиями в то время в русской армии не интересовались и на них не смотрели серьезно. Занятия эти велись очень нудно, и для выполнения их специально приезжал из штаба дивизии особый офицер Генерального штаба. В обучение к нему и поступали на время занятий офицеры полка. Главная сущность кавалерийского искусства, как это уже отмечалось, полагалась в тесном маневрировании войсковой части в сомкнутом строю.

Разумеется, впоследствии все это изменилось. Но для этого нужны были годы и энергичные усилия.

Период эскадронных учений вследствие столь упрощенных требований проводился полком в Царском Селе, где имелось огромное учебное поле – Софийский плац. В Красносельский лагерь полк выступал поэтому очень поздно, примерно в конце июня, на полковой сбор и выше.

Этот-то период времени и был самым горячим в смысле проявления великим князем Николаем Николаевичем своей кипучей деятельности. Здесь он показал себя выдающимся учителем, не шедшим ни в какое сравнение с другими командирами кавалерийских полков.

В первые годы великий князь на полковых учениях ставил себе целью только усовершенствование существовавших требований. Но после своей заграничной поездки в Австро-Венгрию и Италию (Пиньероль) для ознакомления с постановкой кавалерийского дела он вернулся с новой программой и с твердым убеждением, что «мы никуда не годимся». Сделав подробный доклад императору Александру III и сумев его убедить в необходимости коренных реформ в кавалерии, он горячо взялся за проведение их у себя в полку, не стеснясь разрушать до основания все прежнее, устарелое.

Конечно, такая коренная ломка не могла не отражаться в первое время на состоянии конского состава и материальной части полка, к которым предъявлялись невиданные требования, но такова уже судьба всякого новаторства! С другой стороны, великий князь, заручившись поддержкой императора Александра III, получил, конечно, известную свободу дей-

ствий. Командование же им гвардейским полком, в котором служили офицеры с большими средствами, во многом облегчало проведение реформ.

В районе Красносельского лагеря полк занимал четыре деревни, располагаясь своим штабом и двумя первыми эскадронами в д. Русской Капорской. Остальные четыре эскадрона размещались в трех ближайших деревнях. Для себя великий князь выстроил при штабе небольшой дом-дачу, в которой почти безотлучно проживал, окончательно сливаясь с жизнью полка. В эти периоды времени он полностью переходил на довольствие в офицерское собрание.

Полковые учения, производившиеся великим князем, были полны поучительности и интереса. Всегда короткие – не свыше часа-полтора, но в быстрых аллюрах и с полным напряжением.

Полк забыл о ровном поле. Великий князь водил его по пересеченной местности, не избегая ни оврагов, ни кустов, ни лесов. Люди должны были уметь обходить засеянные поля, заборы, болота, прыгать через канавы и затем быстро восстанавливать фронт, не теряя связи. Вполне очевидно, что в первое время было много лошадей с хромотой и наколотыми ногами. Но это лишь поначалу. Постепенно лошади втянулись в работу, потеряли лишний жир и стали в рабочем теле.

Для быстрого прохождения больших пространств вырабатывался новый аллюр: *galop allonge'*, впоследствии известный в России под названием «полевой галоп», но вначале окрещенный скептиками и завистниками «полевым» галопом. Для атаки требовалось уметь дать сначала версты 2–2,5 такого галопа, и только затем карьер не менее чем на полверсты. Как далеко это требование отходило от прежнего!

Великий князь умел зажигать своим неугасавшим порывом окружающих, причем сам он горел больше других. В дело он вкладывал всего себя, и его пример почти гипнотически действовал на офицеров и солдат, готовых идти за своим молодым блестящим командиром в огонь и в воду!

Так как кавалерийские полки Красносельского сбора стояли по деревням вокруг военного поля, то для прибытия к месту учения им приходилось проходить расстояния в несколько километров, на что при аллюре шагом тратилось по часу и больше времени. Столько же и после учения при возвращении домой. Великий князь первый завел манеру прохождения этих пространств более быстрыми аллюрами, справедливо указывая, что лошади гораздо полезнее быть на полтора часа меньше под седлом, чем то же время плестись шагом, под палящим солнцем.

В 1886 г. вышел новый строевой полковой устав. В нем уже получили отражение некоторые новшества. Великий князь до тонкости изучил его и знал лучше всех, терпеливо указывая на малейшие ошибки и беспощадно карая всех без различия при их повторении.

В то время в большую моду вошли ученья «внемую» – по знакам командира полка, находившегося на расстоянии, или по движению его лошади. Учения эти развивали внимание и «совкость» части. В своем полку великий князь довел эти учения до совершенства, чему немало способствовала его монументальная фигура, резко выделявшаяся на фоне местности.

По его знаку, взятому им направлению, аллюру и даже взгляду все шесть эскадронов полка делали перестроения, меняли аллюры, развертывали фронт, рассыпались врозь, снова собирались, и все это без одного слова командира и в полной тишине.

С такой же осмысленностью великий князь учил свой полк разведке. Разводя одну часть полка от другой верст на 20–25, он давал разъездам различные задачи в запечатанных конвертах.

Словом, в каждое учение непременно вкладывалась известная мысль, и эта-то осмысленность возбуждала к себе живой интерес в исполнителях.

Без всякого преувеличения должно сказать, что своими требованиями и настойчивостью великий князь в строевом отношении поднял командуемый им полк на небывалую высоту; вместе с тем вокруг своего имени он создал ореол блестящего кавалерийского начальника. Ему стали подражать, отчасти же завидовать, указывая на то, что успехом своих новаторских идей он обязан «безответственности» своего положения, при котором только и возможно рисковать порчей казенного конского состава. В этом последнем отношении, несомненно, была некоторая доля правды. Но едва ли следует забывать, что главная сущность вопроса заключалась вовсе не в том, лучше или хуже другого командира полка сам великий князь, и не в сохранении одного-двух десятков лошадей, а в том, чтобы пробить рутину и проложить вперед дорогу живым идеям.

Конечно, были и в полку некоторые слабые стороны в обучении. К числу их относилось недостаточное внимание к рубке, обучение которой носило еще в то время характер бесполезного махания холодным оружием по воздуху в стороны и вперед. В загоне были также так называемые учения в пешем строю, хотя собственно к стрельбе из винтовки великий князь относился уже со вниманием. Но при суждении обо всем описанном надо иметь в виду, что дело происходило почти полвека тому назад и что в то время требования от кавалерии были не столь разносторонни, как ныне.

С началом дивизионных учений разница в обучении полков становилась еще более отчетливой для всех. Неудачных учений и маневров в лейб-гусарском полку просто не было, и в то время как в других частях дело часто не клеилось, у гусар все проходило гладко. Великий князь всегда выделялся среди других начальников своей решительностью, порывом и тактическим пониманием, а командуемый им полк – своим обучением и способностью к маневрированию.

Только осенью, после лагерного сбора и возвращения на зимнюю стоянку, начинался отдых. Великий князь обыкновенно уезжал из столицы, пользуясь этим временем для любимой им охоты.

В 1889 г., когда бывшему наследнику цесаревичу минул 21 год, он поступил на действительную службу в полк. В этом решении императора Александра III нельзя было не видеть высокой оценки деятельности великого князя как командира полка, у которого было чему поучиться.

6 мая все офицеры полка были приглашены в Александровский дворец, где представлены новому однополчанину. После этого дня наследник нес в полку рядовую службу младшего офицера по осень того же года. В течение лагерного сбора он жил в Русской Каперской, в особо выстроенном для него небольшом домике. Затем в следующем, 90-м году цесаревич Николай провел лето на службе в полку уже в качестве командира первого лейб-эскадрона, причем принял с полком участие в больших маневрах, на которых присутствовал император германский Вильгельм.

Будущий император всероссийский отличался большой аккуратностью в несении службы. Не будучи особо красивым всадником, он проявлял необыкновенную выносливость в верховой езде. Для него нередко было отправляться вечером верхом в Новый Петергоф к августейшим родителям из Русской Капорской, делая 21 версту немедленно же после конного учения или очередного маневра на Красносельском военном поле, до которого от того же Капорского приходилось сделать верхом в оба конца еще верст 10–11. Переход от Русской Капорской до Нового Петергофа он обычно совершал верхом на известном белом забайкальском коньке, на котором сотник Забайкальского войска Пешков совершил свое знаменитое путешествие верхом от Читы до Петербурга. Конь этот поднесен был сотником Пешковым в дар наследнику престола.

По общим отзывам, отношения августейшего дяди к племяннику и обратно были в то время самые корректные и предупредительные, что вполне отвечало строго монархическим взглядам великого князя.

Затем, в период нахождения великого князя Николая Николаевича во главе лейб-гусар, в полку также некоторое время командовал эскадронам младший брат императора Александра III великий князь Павел Александрович.

В тот же период времени в России с визитом к царствовавшему императору приезжал дважды император германский Вильгельм II. Это было в 1888 и в 1890 гг., оба раза в лагерное время.

В первый раз в честь высокого гостя, лишь недавно ставшего императором Германии, в Красном Селе был устроен смотр всей гвардейской кавалерии, в котором участвовало до 50 эскадронов. Всю эту массу конницы вел внемую генерал-инспектор кавалерии великий князь Николай Николаевич Старший. Его сын великий князь Николай Николаевич Младший находился как командир полка во главе лейб-гусар.

Вдруг по знаку генерал-инспектора фуражкой вся эта конница в несколько тысяч человек, шедшая галопом, спешилась как один. Люди ловко и быстро выстроились по сторонам своих коней. Гробовое молчание. Когда пронеслась туча поднятой пыли, был подан второй знак, по которому люди снова сели на своих коней и стройно помчались вперед тем же галопом.

Картина вышла потрясающей...

Во второй приезд император Вильгельм присутствовал на маневрах Петербургского округа. После окончания маневров полки проходили церемониальным маршем. Во главе лейб-гусар шел великий князь Николай Николаевич. Некоторые эскадроны полка были пропущены карьером, во время которого один из офицеров, командовавших эскадронам, оказался вследствие путаницы в сигналах позади эскадрона. Ко времени прохождения этого эскадрона мимо царской стоянки все успело выровняться и всякий прошел там, где ему полагалось. Раздалось царское «спасибо», но зоркий глаз августейшего командира усмотрел беспорядок, и виновник его штаб-ротмистр М. немедленно был посажен им на гауптвахту.

Отъезд императора германского с маневренного поля был отмечен случаем, едва не закончившимся трагически. Обыкновенно в конце маневров, после сигнала «отбой», в поле накрывался для высочайших особ и лиц их свиты завтрак, к которому приглашались офицеры ближайших к царской Ставке войсковых частей. Таковых офицеров ввиду любопытства, возбужденного присутствием высокого иностранного гостя, оказалось чрезвычайно много, и их желанием было приветствовать после завтрака громким «ура» отъезд своего верховного вождя императора Александра III. Подали тройку, заменявшую в то время автомобиль. Офицеры сгрудились вокруг нее. В коляску сели оба монарха. По слову императора Александра III, обращенному к кучеру, «пошел» вырвалось громкое «ура» окруживших коляску офицеров. Испугавшись криков, лошади заупрямились. Коренник встал на дыбы, пристяжные рванули в стороны. Тройка не сдвинулась с места. Вследствие этого император Александр III должен был просить офицеров прекратить крики, и только тогда, после ряда усилий успокоить взволновавшихся лошадей, коляска с обоими императорами бешено прыгнула вперед и умчалась по ровной дороге... Об этом инциденте в свое время много говорили в столице ввиду личной несимпатии императора Александра III к своему гостю.

Между великим князем Николаем Николаевичем и императором Вильгельмом II никогда не существовало близких отношений. Я могу объяснить это тем общим недоверием, которое существовало в России по отношению к молодому германскому императору. Удаление князя Бисмарка, прекращение действий конвенций 1887 г., а также торжественно обставленное путешествие императора Вильгельма на Восток предопределили неблагоприятное для России направление нового политического курса в Германии. С другой стороны,

экономические соображения России, требовавшие для ее развития привлечения иностранных капиталов, вызывали все настойчивее необходимость сближения России с Францией и Англией, против которой, собственно, и было направлено жало новой германской политики.

Основанием к политической перегруппировке европейских государств послужил, собственно, союзный договор между Германией и Австро-Венгрией, начало которому было положено в 1879 г. Прошло, однако, еще около 12 лет, прежде чем для России вырисовалась окончательно неизбежность полного разрыва с прошлым и заключение нового франко-русского союза. Известно, что обмен мнениями по этому вопросу произошел между правительствами России и Франции лишь во второй половине 1891 г. Но только в следующем году состоялось наконец подписание соответственного проекта военной конвенции начальниками генеральных штабов обоих вышеназванных государств. Наконец, еще через 10 лет, в 1902 г., состоялось высочайшее назначение великого князя Николая Николаевича при войне на Западе главнокомандующим войсками германского фронта.

Все эти данные, лишь постепенно развернувшиеся на протяжении многих лет, конечно, мало способствовали установлению сколько-нибудь доверчивых отношений между обоими названными выше лицами, имевшими вероятие оказаться в будущем военными противниками.

Тем не менее император германский Вильгельм назначил великого князя Николая Николаевича шефом 10-го Магдебургского гусарского полка. Депутация этого полка приезжала в Петербург и была радушно и гостеприимно принята великим князем и лейб-гвардии Гусарским полком в Русской Капорской – летней резиденции полка близ Красного Села.

Великий князь и сам по приглашению императора Вильгельма был в Германии на маневрах германских войск. Присутствуя в свите императора, он, конечно, не мог много видеть, но по своему возвращении восхищался стройностью и порядком передвижения немецких войск. Восхищался он также теми лошадьми, которые были подведены ему и лицам его свиты для присутствования на маневрах.

В последний год командования полком великий князь, широко зарекомендовавший себя блестящим кавалеристом, был командирован на большие маневры под Ровно войск Варшавского военного округа, составивших северный отряд против войск Киевского округа, выделивших южный отряд. Великому князю было поручено командование кавалерией северного отряда, долженствовавшей действовать против южной конницы, которой командовал также известный кавалерист того времени генерал Струков. Старшим руководителем этого маневра был Николай Николаевич Старший.

Молодой великий князь, широко раскидывавший свои части до боя и умевший их быстро сосредоточивать к периоду боевого столкновения, приобретал почти всегда ко времени боя преимущества над своим противником. Это вызывало скрытое недовольство не только командовавшего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Драгомирова М. И., ревниво относившегося к боевой подготовке войск своего округа, но и недружелюбное отношение к вводимым новшествам старого генерал-инспектора кавалерии Николая Николаевича Старшего, видевшего в них до известной степени осуждение им охранявшейся рутины.

Великий князь Николай Николаевич не мог не заметить этого к себе недружелюбия со стороны лиц старшего, так сказать, поколения, но, преклоняясь перед талантами и воспитательными приемами Драгомирова, он все же сумел сохранить по отношению к последнему до самой его кончины хорошие чувства и добрые отношения.

Зато молодежь отнеслась к великому князю восторженно, и возвращение его после маневров в полк было для него в известной мере триумфом.

2. Во главе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии

В самом конце 1890 г. великий князь Николай Николаевич сдал полк и через некоторое время получил в командование 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, расположенную в окрестностях столицы.

Весной 1891 г. скончался отец великого князя Николай Николаевич Старший и должность генерал-инспектора кавалерии была упразднена; разработка же всех вопросов, касающихся кавалерии, была сосредоточена в особой кавалерийской части при Главном штабе. Эти обстоятельства позволили молодому великому князю более свободно вести полки своей дивизии по новому пути, глубоко отличному от прежнего рутинного.

Уже с зимы стали в полках этой дивизии проводиться все подготовительные требования, вылившиеся к этому времени в стройную программу благодаря опыту, произведенному ранее в лейб-гусарском полку. Конечно, дело не обходилось без тренировок, кое-где втихомолку роптали, по-прежнему опасаясь порчи конского состава, но все же к лету требование легкого и быстрого маневрирования эскадронов и полков на пересеченной местности было достигнуто. Много работы было проявлено и в деле разведки, в результате чего в конце лета на двухсторонних маневрах дивизия, которой командовал великий князь Николай Николаевич, заметно выделилась своей подготовкой по сравнению с другими кавалерийскими частями.

Не обходилось без курьезов. Случайное появление какого-нибудь небольшого разъезда от частей 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в тылу или на фланге противной стороны вызывало маневренную панику. «Гусары уже в тылу! Мы обойдены!!» – передавалось из уст в уста. «Опять неудачный для нашей стороны маневр!»...

Преимущества в боевом отношении тех принципов, которые были положены в основание обучения полков 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, настолько били в глаза, что постепенно их стали проводить и в полках 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Вначале это подражание казалось трудноосуществимым ввиду того, что полки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии были кирасирскими и, как таковые, комплектовались более рослыми людьми и лошадьми. Необходимо было поэтому побороть новое предубеждение о невозможности предъявления одинаковых требований к обеим дивизиям. Вскоре, однако, действительность показала противное, и втянутые в работу рослые кирасиры на своих дромадерах галопировали и маневрировали на пересеченной местности за умелым и опытным вождем с одинаковым почти успехом, как и легкие гусары или уланы.

Гвардейская кавалерия получила, таким образом, общий толчок в новом направлении.

Командование дивизией было чрезвычайно полезным этапом для молодого великого князя на пути его дальнейшего служебного движения. В лице начальника штаба командуемой им дивизии полковника Палицына он получил чрезвычайно осторожного и систематического сотрудника, ознакомившего его с хозяйственно-административными распорядками, принятыми в Военном министерстве, и систематизировавшего все его мысли по вопросу об обучении конницы. Трудно было вначале представить себе, как могли ужиться и сработаться эти две столь различные фигуры. Один – пылкий, излишне горячий, порывистый, другой – осторожный, медленный, слишком, может быть, даже теоретичный. Тем не менее совместная работа у них наладилась: великий князь учил конные части в поле – его начальник штаба на основании результатов этих работ подготовлял разного рода приказы, инструкции, чертежи и схемы, которые получали неофициальное распространение не только во всей гвардейской кавалерии, но и в тех армейских полках, во главе которых стояли более восприимчивые и деятельные командиры. Так как весьма многими полками командовали офицеры, проводившие свою первоначальную службу в гвардейских частях или в Генеральном штабе, то

приемы и навыки, рекомендуемые великим князем, стали распространяться во всей армии довольно широко.

Существовавшие в то время официальные уставы кавалерийской службы и наставления к ним страдали к тому же слишком большой общностью указаний, которые оставались часто неуловимыми для начальников средней руки. Они требовали самостоятельной разработки деталей, каковая работа была непосильна большинству тогдашних кавалерийских начальников. В результате этого многие отделы обучения как бы обходились, причем особенно страдали вопросы организации разведки в широких размерах и употребления боевых порядков крупных частей кавалерии (свыше полка). Между тем в то время в России существовали не только кавалерийские дивизии, но пользовалась вниманием также идея сведения дивизий в отдельные кавалерийские корпуса. Кроме того, свойства новых образцов артиллерии и винтовки требовали также изменения уставных форм.

В сущности, вся предварительная работа по пересмотру действовавших уставов производилась в штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии под руководством ее энергичного и сведущего начальника, и, как я сказал, уже задолго до появления новых уставов по рукам ходили литографированные листки, составленные по опыту обучения частей 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в штабе этой дивизии. Сами же уставы, по которым начала учиться вся русская кавалерия, вышли несколько позднее, а именно в 1896 г., когда великий князь Николай Николаевич занял уже должность генерал-инспектора всей кавалерии. Это были: а) Устав кавалерийской службы (при части) и б) Наставление для ведения занятий в кавалерии.

В тот же период времени стало входить в употребление решение в поле разного рода тактических задач путем маневрирования против обозначенного противника, также передвижавшегося по указаниям особого лица, получавшего соответственные указания от старшего руководителя.

3. Новый генерал-инспектор кавалерии

Весьма скоро по восшествии на российский престол императора Николая II должность генерал-инспектора кавалерии была восстановлена, и на нее в 1895 г. назначен великий князь Николай Николаевич.

Великий князь оставался в этой должности 10 лет, и, таким образом, при его кипучей энергии личное влияние его на развитие русской конницы вылилось в совершенно исключительные формы.

Должность генерал-инспектора при наличии в России командующих войсками в округах, на которые была поделена вся территория России, с непосредственным подчинением названным лицам всех войск, находящихся на ней, несомненно, должна была представлять известные тактические трудности. Излишнее вмешательство в подбор личного состава и в порядок ведения занятий, несомненно, могло вызывать разного рода неприятные трения с командующими войсками; напротив, при уклонении от такого вмешательства генерал-инспектор не мог рассчитывать добиться в полной мере проведения своих требований, в особенности если они находились не в полном согласии со взглядами местного начальства.

Великий князь взял в этом отношении среднюю линию. В отношении занятий он предоставлял наблюдение за всем ходом их в течение зимнего периода местному начальству; его объезды поэтому начинались лишь в период эскадронных учений в кавалерии и продолжались вплоть до осени, т. е. до конца специальных кавалерийских сборов. Впоследствии же он ограничивался даже проверкой строевых и тактических занятий только в период специальных кавалерийских сборов, оставляя, впрочем, за собой право проверки в эти же периоды

и тех эскадронов, которые почему-либо выделялись в ту или другую сторону. В общем, эти проверки давали ему материал для суждения о качестве всего личного состава кавалерии.

Вот как описывает один из бывших начальников кавалерийских дивизий сделанное ему однажды испытание:

«Лично моему единению с конем великий князь сделал экзамен, проскакав со мною более трех верст до того места, с которого он хотел видеть порядок дебуширования полков на военное поле по данному им указанию.

Теряю ли я при этом дыхание, он проверял, бросая по дороге те или другие вопросы, на которые я должен был отвечать. Командира корпуса мы на скачке потеряли, а командующий войсками наблюдал вообще издали, чтобы не стеснять великого князя и не принимать участия в столь быстрых передвижениях при его раненной в колено ноге».

Приведенный пример – образец экзамена только на свежесть сил и выносливость начальника. Но решение тактических задач путем маневра двухстороннего или против обозначенного противника давало материал для суждения и о более серьезных внутренних достоинствах испытуемого как кавалерийского начальника.

Получавшиеся данные о начальниках по окончании объезда суммировались и служили материалом для их служебных аттестаций.

Во время производства смотров чаще всего и проявлялась та горячность великого князя, о случаях которой ходило столько легендарных рассказов. Не отрицая таковых случаев, я все же должен привести в извинение их, во-первых, слишком большую косность и неподготовленность некоторых начальников того времени, во-вторых – искреннее горение в деле, вызывавшем неприятную сцену, самого великого князя, который ничего не видел, кроме самого дела, и только по поводу его и горячился, и, в-третьих – столь же искреннее раскаяние и стремление загладить свою крикливую выходку каким-либо примиряющим словом или жестом.

«Неужели я опять накричал?» – спрашивал он сопровождавших его лиц.

«Черт возьми, – сердился он на себя, узнав о своей новой вспышке несдержанности. – Надо как-нибудь исправить дело!»

И за общим завтраком или обедом, который давали в его честь или который от его имени гостеприимно предлагался офицерству, он неизменно спешил загладить свою вину, иногда даже прямым извинением.

Надо при этом заметить, что разнос учинялся всегда в поле, где повышенный голос являлся часто необходимостью, и что у великого князя сам тембр голоса и манера чеканить слова производили всегда несколько резкое впечатление, усугублявшееся нервной жесткостью его длинных и тонких рук. Бывали, впрочем, и такие начальники, которые обидами на резкость великого князя стремились прикрыть свой уход со службы, объясняемый простому полным их ничтожеством и несоответствием занимаемой должности.

Во всяком случае, я должен сказать, что великий князь в этом смысле усиленно работал над собою и что с течением времени эта его несдержанность сглаживалась все больше и больше. За весь период пребывания великого князя в должности Верховного главнокомандующего я, видевший его ежедневно и в самой различной обстановке, был свидетелем лишь одной его вспышки. Я привожу ее ниже в главе VI полностью с той целью, чтобы читатель мог сам судить по ней, о каких качествах великого князя эта сцена больше должна говорить беспристрастному судье.

Зато как он умел захваливать в случаях положительных и особенно при разумном проявлении частной инициативы!

«Двенадцать баллов такому-то, – кричал он на все поле своим резким голосом, – за то-то и то-то!»

«Карьером к такому-то эскадрону; передать ему мое восхищение таким-то решением, – кричал он своему адъютанту. – Я не могу подать сигнал благодарности, так как на него ответит весь маневрирующий отряд». И громкое «рады стараться» несется издали в ответ на посланное приветствие через несколько секунд головоломной скачки адъютанта, передававшего благодарность.

«Чудо-богатыри», «сверхбогатыри» – все это эпитеты, которыми он, Верховный главнокомандующий русской армией, неизменно награждал войсковые части, ожидавшие признания им своей доблести!

Но начальствующим лиц надо было в годы мира не только проверять, но и учить. И вот с этой целью с 1897 г. по почину инспекции кавалерии начались полевые поездки со старшими кавалерийскими начальниками, кандидатами на командиров полков, бригад и начальников дивизий. Впоследствии для этого рода занятий было выработано особое положение и эти поездки приобрели систематический характер.

Весьма важным элементом в кавалерии является, конечно, лошадь. Конное хозяйство составляет вместе с тем фактор большого значения в народном хозяйстве. В соответствии с этим великий князь обратил особое внимание на правильность ремонта армии лошадьми. В прежнее время, до вступления великого князя в должность генерал-инспектора кавалерии, ремонтное дело производилось особыми ремонтными бригадами на коммерческом праве. Способ этот был далеко не удовлетворительным для армии и представлялся невыгодным для развития коннозаводства. Вследствие этого по инициативе инспекции и ее трудами было выработано новое положение о ремонте армии лошадьми, в котором были приняты существенные меры как для улучшения сорта лошадей, поступающих в армию, так и для расширения зон производства в стране ремонтных лошадей. Вместе с тем был уничтожен вредный способ единоличной закупки лошадей ремонтными бригадами, взамен которого было установлено приобретение лошадей специальными ремонтными комиссиями непосредственно от коневодов и коннозаводчиков по особым расценкам, с правом выдачи под поставляемых лошадей особых авансов. Установлена была также закупка теми же комиссиями верховых лошадей для офицеров кавалерии и Генерального штаба.

Положение о ремонте армии лошадьми вышло в 1901 г., а уже в следующем году великий князь лично объехал целый ряд ремонтных комиссий, знакомясь с их деятельностью.

При этом объезде он впервые побывал на Кавказе и проехал по Военно-Грузинской дороге, любясь ее красотами.

В вопросе о вооружении кавалерии великий князь был вначале ярким противником пики. Существовавшее в русской кавалерии горячее увлечение искусством рубки шашкой разного рода предметов (лоза), сменившее прежнее бесполезное махание шашкой по сторонам, отрицало полезность пики. Однако именно на этом примере можно ясно видеть отсутствие у великого князя какого-либо упрямства в его убеждениях или просто предубеждения. Когда пика стала входить вновь в вооружение кавалерии многих иностранных армий, то и наша инспекция не только не обнаружила стремления к наложению на этот вопрос своего veto, но даже отнеслась к предполагаемой мере о введении пики на вооружение всей нашей конницы очень заботливо, содействуя ее осуществлению.

С особой горячностью великий князь стремился к улучшению технического снабжения наших конных частей. Особенно привлекали его внимание средства связи и переправы. Рядом с испытанием последних обращено было также особое внимание на обучение частей плаванию, и я лично был свидетелем переправы вплавь целого полка через такую серьезную преграду, как Днестр, в пределах бывшей России.

Внимание генерал-инспектора привлекало также искусство стрельбы из винтовок и пулеметов. Вначале к оружейному огню в нашей кавалерии относились презрительно. Но

когда в нем наши конные части укрепились и вследствие этого поверили в его силу, тогда явилось убеждение и в пользу действий кавалерии в спешенном строю. Пренебрежение тем, чего не знают, — обычное явление в нашем военном деле.

Деятельность великого князя распространялась и на казачьи части, которые он любил и в боевые качества которых верил. Особое пристрастие он питал к кавказским казачьим войскам. Так как казаки по существовавшему положению выходили на службу на своей собственной лошади, то, естественно, по отношению к ним у великого князя являлась меньшая требовательность. Особенно его увлекал казачий способ действия «лавой», дававший свободу проявления самостоятельности каждому рядовому казаку.

Стремление великого князя не только проверять, но и учить командный состав особенно рельефно выражалось во внимании к организации офицерской кавалерийской школы, находившейся в его подчинении как генерал-инспектора кавалерии. Школа эта была капитально реорганизована в 1896–1897 гг., и заботам о ней великий князь посвящал много времени.

К концу пребывания великого князя в должности генерал-инспектора кавалерии эта школа состояла из нескольких отделов, преследовавших каждый свою специальную задачу.

Главным отделом в ней был отдел молодых офицеров (так называемый переменный состав), составлявшийся из командированных от кавалерийских полков в школу на два года для обучения выезде молодых лошадей в полках и совершенствования в искусстве владения оружием. Для руководства обучением этим тонким специальностям были из-за границы (Италия и Франция) выписаны лучшие мастера и знатоки этих специальностей. Независимо оттого при этом же отделе была организована учебная кузница, выпускавшая в полки солдат — специалистов по кузнечному делу.

Засим существовал особый отдел эскадронных и сотенных командиров, где собирались на зимний период кандидаты на указанные должности. Тактическое развитие и уставная часть составляли главные предметы этого курса.

Наконец, для втягивания в полевую работу кандидатов на должность полковых командиров соответственные чины собирались в конце лета или в начале осени для систематического курса парфорсных охот.

В целях их организации в имении графа Пржездецкого «Поставы» были выстроены соответствующие бараки для офицеров и людей, а также помещения для зверя и собак. Сами охоты производились по искусственному следу, пользуясь для сего обширными пространствами (до 80 тыс. десятин) лугов, лесов, болот и других пустопорожних мест имения. Этот курс, имевший не только учебный, но и испытательный характер, был чрезвычайно полезен для русской кавалерии как устранявший, почти механически, тех офицеров от продвижения на командные должности, которые не сохранили обязательной для службы в кавалерии свежести. Само собой разумеется, что все организуемые охоты были строго рассчитаны с силами среднего всадника и производились на вполне наскоканных лошадях школы, легко и охотно бравших препятствия.

Наконец, та же школа служила для производства всякого рода испытаний предметов технического снабжения, введение которых в кавалерию могло представлять какие-либо выгоды. С этой целью при школе содержался эскадрон офицерской школы, комплектовавшийся на общем основании.

Прекрасным помощником великого князя по всем вопросам кавалерийской школы был впоследствии по войне громко известный генерал Брусилов, состоявший долгое время начальником ее.

Глава IV

Великий князь Николай Николаевич – главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Председательствование его в Совете государственной обороны

1. Il faut aller en devant des e'venements et non les suivre (Napoleon)³

Великий князь Николай Николаевич уже в бытность генерал-инспектором кавалерии пользовался большим авторитетом у царствовавшего императора Николая II. Поэтому в особо трудных или деликатных случаях к нему обращались многие государственные деятели за содействием. Граф Витте, например, в своих воспоминаниях рассказывает, что великому князю Николаю Николаевичу совместно с тогдашним министром иностранных дел графом Ламсдорфом пришлось принять участие в очень щекотливом деле по ликвидации противоречившего русскому соглашению с Францией Бьеркенского соглашения 1905 г. императора Николая с германским императором Вильгельмом. Великий князь твердо и определенно высказал государю свое мнение о необходимости уничтожения названного договора или в крайности о замене его другим, находящимся в соответствии с договором России с Францией.

Как ни трудно было императору Николаю II сознаться в ошибочности своего шага, но под влиянием слов великого князя он принужден был согласиться на предоставление графу Ламсдорфу права найти для улажения конфликта соответственные дипломатические средства.

Однако во Франции этот поступок императора Николая оставил по себе надолго горький осадок, и еще 1917 г. министру иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкову пришлось объясняться по этому вопросу:

«Мне кажется, – телеграфировал П.Н. Милюков 19 апреля 1917 г. русскому послу в Париже, – что, раз в нашей печати появились разоблачения о договоре 1905 г., необходимо немедленно же сообщить французскому и английскому правительствам как содержание договора, так и подробные обстоятельства всего дела, свидетельствующие о всегдашней лояльности ответственных руководителей внешней русской политики по отношению к Франции. Подобное сообщение, в сущности, не может особенно компрометировать в глазах Франции отрекшегося императора, которого можно упрекнуть не в двоедушии, а лишь в крайней слабости воли, ибо, поддавшись внушениям императора Вильгельма, он искренно верил в возможность привлечь к договору французское правительство. Несколько иначе обстоит дело по отношению к Англии, против коей был направлен договор, но не следует забывать, что в то время Англия всецело находилась на стороне наших врагов и что начало к сближению с ней положено было лишь два года спустя».

Авторитет великого князя при царе достиг своего апогея к 1905 г., когда внутреннее положение страны ухудшилось настолько, что порядок мог быть сдерживаем в ней только войсками. Великий князь Николай Николаевич всегда считался одним из самых твердых

³ Надо идти впереди событий, а не следовать за ними (Наполеон).

военачальников, и потому императору Николаю II естественно было видеть в нем для себя опору и защитника династии, принимая тем более во внимание его принадлежность к императорской фамилии.

При таких исключительных условиях неудивительно, что когда над Россией нависли черные тучи первой революции, великому князю Николаю Николаевичу пришлось сыграть выдающуюся роль в истории России.

Наступала осень 1905 г. Внутреннее положение становилось донельзя напряженным. В войне с Японией одна неудача следовала за другой: Лаоян, Шахэ, сдача Порт-Артура, Мукден – таковы печально звучащие имена сухопутных поражений. Наконец, на море – трагическая Цусима. Всем было ясно, что маленькая Япония победила русского великана. Спешно открылись в Портсмуте морально тяжелые для России мирные переговоры.

Хотя в русско-японской распри приняла участие едва третья часть русских вооруженных сил, тем не менее война эта внесла полное расстройство в организацию всей армии. Это обстоятельство явилось результатом неправильной системы комплектования маньчжурских армий, для которых из войсковых частей, оставшихся в России, бессистемно выхватывались офицеры, кадровые нижние чины и разного рода специалисты; из запасов же военного времени бралось для пополнения материальной части все то, в чем оказывалась нужда на театре войны. Под конец же войны по настоянию начальства маньчжурских армий, для коренного улучшения состава последних, из всех частей войск, остававшихся в России, были выделены и отправлены на Дальний Восток все люди младшего возрастного призыва, что окончательно расстроило эти части и свело многие полки к столь ничтожному составу, при котором стало невозможным ни правильное обучение, ни несение гарнизонной службы.

Между тем, как я уже говорил, случаи вмешательства вооруженной силы во внутреннюю жизнь страны значительно возросли вследствие все разраставшейся революционной пропаганды. В сущности, к указанному времени вся Россия была объята волнениями; некоторые же окраины находились в открытом возмущении. Жестокое восстание разразилось в Москве. К сожалению, революционная пропаганда не ограничилась населением; она стала проникать и в казарму. Особенно беспокойно становилось во флоте; команды на берегу и на кораблях были почти полностью захвачены революционным брожением.

В начале октября стало останавливаться железнодорожное движение; забастовали телеграф, почта. В Петербурге потухло электричество и явилась угроза остановки даже водопровода... Страну охватило состояние паралича.

Рядом с безвластным правительством, авторитет которого стал неизменно падать, выросло новое учреждение – Совет рабочих депутатов, который успел в самое короткое время укрепиться и разрастись в своем значении. Его исполнительный орган по объему власти становился день ото дня все сильнее и потому опаснее для правительства.

В столь трудное время в оперативную часть Главного штаба стал все чаще заходить для сбора различного рода справок, часто секретных, генерал Палицын, занимавший должность начальника штаба генерал-инспектора кавалерии. Занимая в то время должность начальника оперативного отделения, я вынужден был в конце концов испросить у своего начальства указаний, могу ли я удовлетворять пожелания генерала Палицына. Получив утвердительный ответ, я из него мог усмотреть, что генерал Палицын выполняет какое-то поручение, остающееся пока секретным. Я не выразил поэтому особого удивления, когда вскоре прочел в одном из высочайших приказов об учреждении должности начальника Генерального штаба, о чем много говорили тогда, и о назначении на эту должность генерала Палицына с выделением в его ведение нескольких отделений Главного штаба, ведавших вопросами оперативными, железнодорожными и топографическими. Несколько позднее в Главное управление Генерального штаба перешла также мобилизационная часть.

Здесь кстати будет сказать, что вместе с учреждением должности начальника Генерального штаба последний по примеру Германии был изъят из подчинения военному министру, и, таким образом, по вопросам, подведомственным начальнику Генерального штаба, он являлся прямым докладчиком у государя императора. Порядок этот не дал, однако, у нас в России ожидавшихся результатов, и весьма скоро начальник Генерального штаба, выделенный из состава Военного министерства, оказался совершенно оторванным от жизни и бессильным в проведении тех мер, которые казались ему необходимыми. Настоящим хозяином дела продолжал оставаться военный министр, в ведении которого оставалось распоряжение бюджетом. Вместе с тем наличие двух докладчиков по военным делам лишь излишне должно было стеснять государя, в особенности в случае разногласий между ними. По этим соображениям уже в 1908 г. Главное управление Генерального штаба было вновь введено в состав Военного министерства. Начальник Генерального штаба был подчинен военному министру, и за ним было оставлено лишь право личного доклада государю в отдельных случаях в присутствии военного министра. В таком именно виде положение о начальнике Генерального штаба продержалось в России до войны 1914 г.

Назначение на должность начальника Генерального штаба генерала Палицына, многолетнего сотрудника великого князя Николая Николаевича, ясно указывало, что в гору идет влияние последнего. И действительно, почти одновременно с новым назначением генерала Палицына был учрежден Совет государственной обороны, во главе которого оказался великий князь Николай Николаевич. Вместе с тем, спешно вызванный из деревни в Петербург, он заменил одновременно и великого князя Владимира Александровича, дядю императора Николая II, на посту главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот последний пост ввиду положения, создавшегося в России, в частности в Петербурге, получил к тому времени исключительную важность, так как в руки лица, находившегося во главе войск столичного округа, по существу, передавалась судьба столицы, а с нею и всей империи.

Общеизвестно, что граф Витте, недавно вернувшийся из Северной Америки, после заключения мира с Японией усиленно советовал в интересах общего успокоения даровать стране конституционные начала, во изменение никого не удовлетворившего закона о «Булыгинской» Думе, которым предусматривалось «непременное сохранение основных законов империи». Названное лицо, таким образом, являлось вдохновителем идей, положенных в основу манифеста 17 октября и новых основных законов, приуроченных к нему. И хотя установленные новые положения заключали в себе много неопределенностей, недомолвок и даже противоречий, тем не менее едва ли, однако, серьезно можно оспаривать то положение, что с утверждением их Россия должна была считаться государством, вступившим на конституционный путь.

«Никакой закон, – говорилось в одной из статей новых основных законов, – не может воспринять силы без одобрения Думы».

Правда, граф Витте намечал также возможность другого пути, заключавшегося в предоставлении особо доверенному лицу диктаторских полномочий для подавления всяких попыток к установлению более свободного образа жизни. Но в прочность этого пути, как я уже говорил, сам Витте не верил.

«Казни и потоки крови, – выражался он в одной из своих записок, – только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул, неизменный спутник человеческих страстей».

Конституционные идеи, проводившиеся С.Ю. Витте, вначале не встретили особого сочувствия при дворе. Они шли вразрез также интересам правящих кругов, хранивших убеждение в том, что только самодержавие есть наилучший способ управления Россией. Поэтому довольно многочисленные записки графа Витте, касавшиеся данного вопроса, подвергались неоднократной критике в разного рода высших заседаниях, в совещаниях, в состав

которых даже не всегда привлекался сам автор названных записок. Наиболее горячим противником идей графа Витте явился И.Л. Горемыкин, бывший министр внутренних дел – старый государственный деятель, являвшийся, как мы увидим дальше, и в будущем верным стражем всех охранительных тенденций. И если тем не менее в 1905 г. победило либеральное течение, то этой победе, несомненно, способствовала та позиция, которую занял в данном вопросе великий князь Николай Николаевич. Призванный в это время на пост главнокомандующего войсками столичного округа, он, по-видимому, и предназначался на роль того диктатора, который в случае отказа от дарования стране конституции должен был подавить в народе «до корня» всякое стремление к установлению более современных начал жизни.

Великий князь Николай Николаевичу, однако, на себя этой роли не принял. Он твердо заявил, что лично находит уступки необходимыми, и вместе с тем предупредил, что военная диктатура вообще неосуществима вследствие недостаточности войск и полного расстройств их, явившегося в результате только что законченной войны с Японией.

Говорят, что и другое приближенное к государю лицо – Д. Трепов, рекомендовавший вначале политику «Патронов не жалеть», посоветовал царю уступки.

Эти уступки выразились в изданном манифесте 17 октября, каковым актом имелось в виду придать дарованным свободам характер лично исходивших от государя императора.

Рассказывают, что у великого князя в дни, предшествовавшие 17 октября, было свидание, имевшее решающее значение, с одним из видных представителей рабочего движения, неким Ушаковым. Ушаков был сам рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг. Наблюдая все происходившее кругом, он вынес твердое убеждение в необходимости уничтожения самодержавия путем дарования «самим царем» стране конституции. В таком акте он усматривал наиболее действительный способ замирения русского народа и борьбы с республиканскими веяниями.

«Русский народ за сотни лет привык к монархическому принципу, – говорил он, – и едва ли желает в этом смысле изменения, но он не удовлетворен существующими способами управления Россией и стоит за то, чтобы ему была дана возможность принимать участие в выработке законов и вообще в решении государственных дел».

Об этом Ушакове упоминает в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, который также свидетельствует о факте свидания названного рабочего с великим князем.

Будучи вызван в Петербург императором, великий князь только что приехал в столицу. Зная, что ему предстоит с царем вести беседу о происходящих событиях, и желая поближе познакомиться с их сущностью, он выразил согласие на свидание с Ушаковым, приобретшим довольно громкую известность своей осведомленностью и положением в рабочих кругах. Приглашенный в дом великого князя на Михайловской площади, Ушаков стал развивать перед великим князем свои взгляды и убеждать его повлиять на царя пойти на уступки.

Вначале великий князь выразил полное несогласие со взглядами своего собеседника.

«Я старый солдат и верный слуга своего государя; только самодержавный образ правления, по моему мнению, может России гарантировать пользу». При этом великий князь, по рассказу Ушакова, проявлял крайнее возбуждение и даже с сердцем откинул стул, мешавший его обычной нервной жестикуляции. Но с развитием беседы и доводов в пользу уступок он стал успокаиваться. Ушаков говорил, что вода в реке не стоит на месте, а течет вперед, что против ее напора ничто не устоит, что расчеты на солдатский штык ненадежное средство, ибо солдат – тот же крестьянин или рабочий, а офицеры, будучи преданны монарху, все же видят недостатки существующего управления, и еще в начале XIX столетия наиболее передовые из них стали проявлять склонность к конституции. Великий князь, как лицо, близко стоящее к верховному главе государства и пользующееся его доверием, обязан при таких условиях открыть царю глаза, чем может быть спасен сам монархический принцип, к которому русский народ привык в течение многих веков.

После некоторого молчания великий князь, по существующему рассказу, в глубоком раздумье произнес: «Все это гладко на словах, но как провести эти идеи в жизнь!.. Хорошо, – добавил он наконец решительно, – я попытаюсь сделать что могу. Я всегда счастлив служить государю и Отечеству...»

Я не могу, конечно, ни отрицать, ни утверждать достоверность этой беседы. Но я могу с полным убеждением отметить, что если этой беседы и не было, то она могла быть, до такой степени она соответствует внутреннему облику великого князя. Тут все есть: и его доступность, и бесконечная преданность монархическому принципу как таковому, и его горячность в начале разговора, и его отзывчивость к убежденно сказанному разумному и логическому слову, и, наконец, его беспредельная любовь к отечеству, которая превалировала над всеми остальными чувствами, как бы эти последние в нем ни были заложены.

Факт несомненен, что под влиянием внешних и внутренних событий 1905 г. в великом князе Николае Николаевиче совершился весьма значительный внутренний политический сдвиг: из сторонника крайнего, мистически-религиозного самодержавного монархизма или даже царизма он стал на путь конституционализма. Этот сдвиг стоил ему, конечно, большой внутренней борьбы; его религиозно настроенная натура, быть может, и впоследствии вела его в этом вопросе зигзагами, но несомненно, что в общем он наметил для России дальнейший политический путь, указывавшийся ей народным желанием. Это-то обстоятельство, несомненно, и дало ему впоследствии популярность в народе.

В воспоминаниях графа Витте, касающихся обстоятельств, сопровождавших подписание императором Николаем II манифеста 17 октября, говорится, что при обратном возвращении на пароходе из Петергофа в Петербург великий князь Николай Николаевич, обратившись к автору воспоминаний, сказал: «Сегодня 17-е число – это знаменательное число. Второй раз в это число спасается императорская семья!..» Этой фразой великий князь определенно указывал на чудесное избавление всей императорской семьи от железнодорожной катастрофы близ станции Ворки и на его убеждение в том, что дарованный в этот день конституционный акт был единственным в то время средством спасти в России монархию и династию.

Но безбрежный разволновавшийся океан никогда сразу не входит в берега. В декабре разразилось восстание в Москве. Весной 1906 г. волнения охватили Прибалтийский край. В усмирении этих местностей приняли решительное участие войска, подведомственные великому князю. Страну необходимо было оберечь от крайностей.

Решившись на уступки, власть должна была поставить им предел. Этим объясняется та твердость, с которой действовали после манифеста 17 октября войска при подавлении дальнейших беспорядков. Эта непреклонность действий вызвала со стороны социалистов-террористов организацию ряда покушений на жизнь великого князя. Особенно угрожающ был акт, подготовлявшийся так называемой группой семерых, пресечением которого полиция обязана, как говорят, деятельности Азефа, известного в свое время провокатора. Между тем только проявленной твердостью более чем на десятилетие была отсрочена гибель страны. Падение России, быть может, было бы окончательно предупреждено, если бы рядом с этой твердостью шло разумное использование данной передышки путем укрепления и развития однажды дарованных свобод.

К несчастью, события в России пошли другим путем.

2. Предназначение великого князя на случай войны с Центральными державами

Многу уже было отмечено, что великий князь Николай Николаевич еще в ноябре 1902 г. был назначен императором Николаем II в случае войны с Центральными державами главнокомандующим войсками, назначенными для действий на германском фронте.

Это было время, когда вследствие роста русской армии требовалось наметить на военное время некую промежуточную инстанцию между командующим армиями и общим главнокомандующим. При этом союз Германии с Австро-Венгрией представлялся в России столь тесным, что в русском Военном министерстве уже с давних пор сложилось твердое убеждение в том, что при военных осложнениях на Западе нам придется иметь дело не с одной Германией или Австро-Венгрией, но с обеими Центральными державами, поддержанными, быть может, еще Румынией. В этом случае русским армиям пришлось бы действовать на столь огромном фронте, который исключал возможность управления одним главнокомандующим. Вследствие этих соображений решено было в случае войны на Западе иметь два более или менее автономных фронта: германский и австро-румынский, как тогда называли юго-западный фронт, считая, что и Румыния примкнет к державам Тройственного союза. Во главе каждого фронта (правильнее, группы армий), состоявшего из нескольких армий, намечалось иметь особых главнокомандующих, подчиненных Верховному главнокомандующему всеми вооруженными силами. Как сказано выше, император Николай II наметил для главнокомандования германским фронтом великого князя Николая Николаевича, а для австро-румынского фронта – военного министра того времени генерал-адъютанта Куропаткина. При этом секретным рескриптом на имя последнего, данным в феврале 1903 г., было указано, что в случае военного столкновения России с европейскими державами государь примет на себя лично верховное главнокомандование.

По поводу сделанных назначений государь император неоднократно говорил генерал-адъютанту Куропаткину: «Я твердо остановился на великом князе Николае Николаевиче и на вас как на будущих главнокомандующих фронтами в случае войны. Мое доверие к вам обоим у меня полное. Надеюсь, что на мой век вас хватит».

Но с течением времени эти слова были, однако, столь же твердо забыты: великому князю после 1905 г. пришлось нести на себе внутреннее недоверие монарха, а А.Н. Куропаткину, испортившему свою военную репутацию в течение Русско-японской войны, – начинать войну 1914–1918 гг. в роли командира Гренадерского корпуса, да и то после больших с его стороны хлопот.

Равным образом выветрилось и содержание февральского рескрипта 1903 г., с которым было знакомо лишь очень ограниченное число лиц.

Сообщая о состоявшихся назначениях, государь писал в 1902 г. великому князю, что действовавшее в то время мобилизационное расписание № 18 должно оставаться без перемен и что изменения в плане действий, которые признает нужным внести великий князь, могут найти себе отражение лишь при составлении нового расписания № 19.

«Наиболее тревожит меня предвзятость, по-видимому, мнения Николая Николаевича относительно того плана, который он предложил государю, – так пишет в своем дневнике А.Н. Куропаткин. – Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное – отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве, или у Белостока, или на Червонно-Борской позиции, отступить к Барановичам или Минску».

Заботы того времени об организации высшего управления на случай войны с Центральными державами вовсе не имели под собой какой-либо задней политической мысли в смысле подготовки к внезапной войне. Напротив, находясь накануне возникновения затруд-

нений на Дальнем Востоке с Японией, Россия не могла желать и, конечно, не желала никаких осложнений на Западном фронте. И даже более того, она стремилась заручиться миролюбивыми заверениями Германии и Австро-Венгрии, причем для скорейшего мирного улаживания возникшей в то время македонской смуты бывший министр иностранных дел граф Ламсдорф специально ездил в столицу Австрии, в Вену.

Можно думать, что под влиянием тех же миролюбивых заданий и для обеспечения невмешательства в наши, осложнившиеся войной дальневосточные дела нами был заключен с Германией в тот же примерно период времени невыгодный для России торговый договор. Не является ли также лично подписанный императором Николаем II оборонительный договор между Россией и Германией, заключенный в противоречие с основным франко-русским соглашением и с надеждой «на привлечение к таковому впоследствии усилиями России Франции», еще одним доказательством излишней уступчивости главы русского государства своему западному соседу?

О договоре этом мне уже пришлось упоминать. Как известно, он был заключен в Бьорке 11 июля 1905 г. Инициатива его принадлежала императору Вильгельму II, мечтавшему в то время об изолировании Англии. Заключение же этого договора являлось единоличным актом императора Николая II, который подписал договор без предварительного обсуждения его содержания с министром иностранных дел и заставил скрепить таковой тут же находившегося морского министра адмирала Бирилева.

Более чем когда-либо на этом факте оправдалась впоследствии сказанная императором Николаем II фраза, что в России политика ведется лично императором!

Осенью 1903 г. великий князь Николай Николаевич совершил по своей новой обязанности будущего главнокомандующего Северо-Западным (германским) фронтом объезд линии среднего Немана, Бобра и Нарева, после чего с настойчивостью стал доказывать необходимость превращения Гродно в крепость, высказываясь за бесцельность расходования на Северо-Западном фронте каких-либо денежных средств ранее выполнения этой задачи. Таким образом, опасения генерала Куропаткина сбылись лишь отчасти. Как известно, мысль о создании вокруг Гродно крепости стала осуществляться много позже, и Гродненская крепость оказалась еще незаконченной к началу мировой войны.

Хотя крепости в эту войну потеряли вообще значительную часть своего прежнего значения, тем не менее из изложенного нельзя не видеть, что стратегические взгляды великого князя вполне сходились с основными мыслями наших позднейших оперативных предположений, согласно которым удержанию Гродно-Белостокского района придавалось исключительно важное значение и которыми также устанавливалась необходимость инженерной подготовки государства, начиная из глубины театра, а не от окраин. Такого способа работ требовала благоразумная осторожность. О борьбе на Нареве и средней Висле представлялось возможным думать, лишь прочно себя чувствуя в горловине Русско-Польского (передового) театра.

Только под давлением тех соображений, что Северо-Западный фронт должен своим расположением прикрывать тыл армии, имевшей задачу наступления от Холма в Австрии, великий князь соглашался на укрепление, а значит, и оборону лишь р. Бобра и среднего Нарева, давая тем самым прообраз той формы стратегического развертывания против Германии, которое было осуществлено в действительности в 1914 г.

В то время вторжение в Восточную Пруссию намечалось осуществить преимущественно при помощи кавалерии, которая для этого собиралась в массе на Наревском фронте и была уже в мирное время соединена в кавалерийские корпуса. Рассчитывалось использовать те качества, которые были привиты этому роду оружия великим князем по должности генерал-инспектора кавалерии. В соответствии с этим изучались и проектировались рейды по образцу тех, которые производились в войну Севера и Юга в Америке. Введена была

шестичасовая мобилизация, кавалерия была приучена к самостоятельной работе, и установлено было для выигрыша времени, что объявление мобилизации надлежит считать моментом объявления войны.

Однако с течением времени выяснилось, что германское Военное министерство еще в мирное время разработало ряд очень действенных мер по защите своих границ в первые же часы мобилизации от набега русской конницы. Это обстоятельство делало успех действий нашей конницы проблематичным, почему мало-помалу мысль о выполнении набега была оставлена. К тому же к 1911 г. определенно выяснилось требование французского Генерального штаба о необходимости наступления в Восточную Пруссию с такими силами, которые способны были бы приковать к себе от 5 до 6 германских корпусов. Это задание требовало уже наступления больших пехотных сил.

В период пребывания на посту военного министра генерала Сухомлинова (1909–1914) отчасти по причинам недружелюбия, отчасти же ввиду изменившегося служебного положения великий князь Николай Николаевич, как главнокомандующий войсками Петербургского военного округа, был предназначен на случай войны занять должность командующего 6-й (отдельной) армией с оставлением за ним почетного звания главнокомандующего этой армией. Служебное положение это являлось хотя и важным, но менее высоким, чем положение главнокомандующего фронтом. Названная армия должна была вместе с флотом прикрывать на случай высадки неприятельских войск на Балтийском побережье или в глубине Финского залива подступы к столице и поддерживать порядок в Финляндии. Считалось, что главнокомандующим Северо-Западным фронтом, армии которого подлежали развертыванию против Германии, должен быть командующий войсками Варшавского военного округа, а главным начальником войск, предназначенных действовать против Австро-Венгрии (Юго-Западный фронт), – командующий войсками Киевского военного округа. Но и в этот период времени великий князь не лишен был возможности ни близко быть осведомленным о работах по подготовке к войне на всех фронтах, ни апеллировать в случае несогласия с ними. Командующие войсками в округах держались в курсе всех главнейших мероприятий по подготовке к войне, и влияние их мнений было настолько учитываемо, что, например, в частности, состав 6-й армии, первоначально задерживавшийся в районе столицы, был определен в соответствии с требованиями начальства этого округа. Эту армию, освобождавшуюся лишь после формирования второочередных частей и возложения на них задачи прикрытия столицы, приходилось считать как бы резервом Верховного главнокомандующего.

3. Командование войсками столичного округа

Великий князь Николай Николаевич стоял во главе войск гвардии и Петербургского военного округа весь период времени от окончания Русско-японской войны до начала войны с Центральными державами (1905–1914).

Я уже имел случай отметить то расстройство, которое вызвала Русско-японская война во всей русской армии. Это расстройство коснулось в некоторой части и гвардии, из состава которой весьма значительное число офицеров, движимых патриотическим чувством, перевелось на время войны в армейские и казачьи части Дальнего Востока.

Между тем волнения, происходившие в этот период времени в районе столицы, где оказались сгруппированными многочисленные заводы, и в Кронштадте – центре Балтийского флота, а также необходимость удержать порядок в Финляндии и в Прибалтийском крае, где также было неспокойно, требовали усиленных нарядов и больших от войск напряжений: моральных и физических. Положение столичного военного начальства осложнялось еще необходимостью командировать гвардейские части в Москву, где в беспорядках, предшествовавших известному восстанию, приняли участие также войска местного гарнизона.

Надо было также бороться с усиленной агитацией крайних элементов, которые направили свои усилия на войска, не исключая гвардии – этот последний оплот порядка и династии. В ежедневных заботах по принятию соответствующих этим обстоятельствам мер прошел весь 1906-й, седьмой и даже часть восьмого года.

«Армия не учится, а служит только вам», – говорил в Совете министров еще в 1908 г. русский военный министр генерал Редигер, обращаясь к министру внутренних дел.

Но Русско-японская война 1904–1905 гг., приведшая в столь большое расстройство войска, обнаружила также значительную отсталость в организации и боевой подготовке русской армии. Отсутствие пулеметов, тяжелой артиллерии и разного рода предметов новейшего технического снабжения вызывало заботы по их заведению и формированию соответствующих частей. Являлась также необходимость пополнения всякого рода запасов, из которых удовлетворялись боевые потребности маньчжурских армий. Как мы видели, безопасность на таких западных границах была приобретена не только заключением с Германией в 1904 г. невыгодного для России торгового договора, но и общей готовностью императора Николая II согласовать политику России с задачами Германии, желавшей во что бы то ни стало изолирования Англии. Эти уступки дали, в свою очередь, России возможность в течение всей войны с Японией безболезненно черпать не только живые, но и материальные силы для ведения войны из частей войск и военных складов, оставшихся в России. Несомненно, что этот способ позаимствования значительно сокращал непосредственные расходы на войну, но он тяжело дал себя почувствовать после войны, когда для восстановления боевой готовности потребовалось пополнение израсходованных запасов. Лишь очень постепенно и с большими затруднениями России удалось к началу 1914 г. довести свою материальную боевую готовность до того скромного уровня, на котором она находилась к началу японской войны.

Одновременно с задачей по восстановлению запасов к 1910 г. был составлен проект почти полной реорганизации русской армии применительно к тем выводам, которые дала война 1904–1905 гг. Конечно, не все требования ее оказались осуществимыми, многие реформы пришлось по недостатку средств только наметить, но и этот сокращенный проект реорганизации потребовал огромной внутренней работы в области переустройства войск, изменения их дислокации, пересмотра мобилизации и более точного согласования с новыми оперативными предположениями инженерной подготовки всех возможных театров военных действий.

Наконец, потребовалось много трудов и энергии, чтобы двинуть вперед вопрос о поднятии на высоту современных требований воспитания и боевой подготовки русских войск. Вопросы воспитания приобретали особо важное значение как наиболее действенное средство против антигосударственных течений, оставленных нам в наследие от революционного времени. Потребность же улучшения собственно обучения войск вызывалась теми недочетами, которые выяснились в минувшую войну и самим усложнением военного дела вообще.

Вся эта огромная программа, затрагивавшая решительно все стороны жизни русской армии, конечно, потребовала для своего осуществления от командующих войсками в округах исключительной энергии и настойчивости, которые они и должны были проявить в течение ряда лет, непосредственно следовавших за окончанием Русско-японской войны.

Великий князь Николай Николаевич, стоя во главе столичного округа и руководя его жизнью, обратил особое внимание на вопросы воспитания и обучения войск. Он признал необходимым начать свою работу с первоначального обновления начальственного персонала.

Вследствие этого были приняты меры к привлечению в округ генералов, особенно выдвинувшихся в период минувшей войны. Генералы Иванов, Никитин, Лечицкий, Леш, Некрасов и др. появились на петербургском горизонте. Чтобы оценить смелость и решитель-

ность этой меры, надо знать о той замкнутости, которая практиковалась в пределах Петербургского военного округа при назначении на открывающиеся в нем должности. Попасть в Петербург, да еще на командную должность в Гвардейском корпусе, не числясь предварительно в кандидатском списке этого округа и в особенности не принадлежа по своей первоначальной службе к составу какой-либо гвардейской части, считалось шагом почти совершенно невероятным.

Но великий князь пошел еще дальше в пренебрежении всеми не оправдывавшимися пользой службы предубеждениями. Вопреки всяким традициям на должности даже командиров гвардейских пехотных полков стали привлекаться выдающиеся командиры армейских полков, хотя бы никогда не служившие в строевых частях не только гвардии, но и столичного округа. Правда, большинство таковых командиров были из офицеров, окончивших Академию Генерального штаба, т. е. получивших высшее образование, но были и такие, которые не имели академического значка и вся предварительная служба которых протекла на далеких окраинах.

Начав службу в артиллерии, я после окончания Академии Генерального штаба командовал в гвардии лишь батальоном. Так как впоследствии мое командование армейским полком сложилось особо благоприятно, то и я был зачислен кандидатом на получение гвардейского пехотного полка,

Об этой кандидатуре я узнал лишь тогда, когда в 1908 г. был вторично приглашен на службу в Петербург в Главное управление Генерального штаба.

«А мы вас ждали в скором времени к себе», – сказал мне великий князь, когда я ему представлялся по приезду в Петербург.

Я ответил благодарностью за доверие и какой-то фразой о готовности служить везде, где моя служба будет признана полезной.

Состоя в должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, великий князь Николай Николаевич приложил много забот к улучшению быта офицеров. В его время было расширено здание собрания армии и флота, при котором находились гостиница для приезжавших из провинции офицеров и столовая, а также выстроено новое прекрасное здание, в котором были размещены многочисленные магазины офицерского экономического общества, снабжавшие офицеров и их семьи всеми необходимыми предметами обмундирования и домашнего обихода по крайне доступным ценам.

Но внимание великого князя Николая Николаевича привлекало не одно только удовлетворение материальных нужд офицеров. Широкое развитие получило при нем также Общество ревнителей военных знаний, почетным председателем которого он состоял в течение многих лет.

История этого общества чрезвычайно интересна. Оно образовалось инициативой частного кружка офицеров, преданных идее внешкольного самообразования. Чрезвычайно характерную для прежнего режима картину рисует в своих воспоминаниях один из учредителей этого кружка. Кружок этот в первые годы своего существования был заподозрен в опасном по тому времени свободомыслии, и на одном из научных заседаний его неожиданно был опознан агент тайной полиции! Можно себе представить, скольких трудов и хлопот стоила затем официальная легализация кружка!

Один из войсковых начальников, например, к которому обратились за покровительством, чистосердечно возразил: «Да где же вы найдете глупцов, которые будут посещать ваши лекции!»

Тем не менее энергия самоотверженно преданных делу инициаторов победила все препятствия, и осенью 1898 г. военный министр генерал Куропаткин утвердил устав общества, представленный ему бывшим главнокомандующим гвардии и Петербургского воен-

ного округа великим князем Владимиром Александровичем, предшественником великого князя Николая Николаевича.

С тех пор общество стало крепнуть. В некоторых провинциальных городах открывались его филиальные отделения, и в общем число членов этого общества достигло цифры нескольких тысяч человек, по числу членов заняв первое место в ряду всех вообще научных обществ. Целью общества явилось впоследствии распространение не только военных, но и общих знаний. Особенностью же его была свобода от всех рассадников официальной науки, каковая независимость в таком живом деле, как военное, нередко приводила к пересмотру и обновлению устарелых казенных доктрин.

Интересная подробность. После революции и вынужденной иммиграции лиц, не желавших подчиниться большевистской власти, стараниями некоторых военных элементов удалось воскресить идею общества, и ныне в столице Сербии Белграде, служащей центром нового кружка, издается даже особый военный журнал, носящий название «Военный сборник» в память издававшегося под таким же именем военного журнала в Петербурге.

Влиянию великого князя приписывалось внезапное решение государя отменить уже налаженную зимой 1910/11 г. в Петербурге военную игру высших войсковых начальников: командующих войсками в округах и начальников их штабов. Игра эта имела своей целью ознакомить названных лиц с наиболее вероятной обстановкой в случае военных осложнений на Западе и совместно обсудить те решения, которые могли бы вытекать из этой обстановки. Были сделаны широкие приготовления, и в заранее определенный день и час в Зимнем дворце, предназначенном для занятий, собрались уже все чины Главного управления Генерального штаба, привлеченные к участию в военной игре. Как вдруг пришло телефонное сообщение об отмене занятий. С большим конфузом возвращались мы к себе через площадь в Главное управление... Что такое, в чем дело?

Определенного ответа мы так и не получили. Разобиженный военный министр подал в отставку, но последняя Государем принята не была; для удовлетворения же его самолюбия отмененная военная игра была заменена каким-то совещанием. Генерал Сухомлинов приписывал этот странный поворот в решении государя злему влиянию великого князя Николая Николаевича, который якобы во что бы то ни стало желал нанести урон его престижу как брэнного министра. Но я не думаю, чтобы мотивом вмешательства в это дело Николая Николаевича было личное нерасположение его к генералу Сухомлинову. Вернее думать, что великий князь явился перед государем лишь выразителем общего мнения командующих войсками, видевших в этом занятии умаление собственного достоинства, а в действительности опасавшихся подвергнуть свои знания проверке перед самим царем. Чтобы побороть это предубеждение, необходимо было еще свыше трех лет, и лишь весной 1914 г. намеченная военная игра состоялась, но уже не в Петербурге, а в Киеве.

Что касается неприязненных отношений, установившихся между великим князем Николаем Николаевичем и генералом Сухомлиновым, то они существовали в действительности и начало их, по-видимому, следует отнести к 1905 г. Генерал Сухомлинов, занявший к тому времени вместо генерала Драгомирова пост командующего войсками Киевского военного округа, обладал довольно язвительным языком и, как он сам признавался, очень зло подшучивал над реформаторской деятельностью генерала Палицына в области переустройства высшего управления Военного министерства. Насмешки эти, по-видимому, доходили до великого князя и, видимо, очень его задевали.

Дело было в том, что наблюдение за боевой деятельностью наших войск в войне с Японией выявило ряд недочетов в устройстве армии, наличие которых не искушенные административным опытом лица старались объяснить, между прочим, неправильностями военного управления вооруженными силами в мирное время. Великому князю Николаю Николаевичу, в то время пользовавшемуся большим военным авторитетом у государя, поручено было

последним ознакомиться с положением нашей действующей армии на Дальнем Востоке и высказаться по существу необходимых реформ, о которых говорили кругом. Одной из необходимейших мер являлась давно уже назревшая необходимость разгрузить от непосильной работы начальника Главного штаба путем разделения подчиненного ему штаба на два отдельных управления: Главное управление Генерального штаба с начальником Генерального штаба во главе и собственно Главный штаб или, вернее, Организационно-административное управление.

Естественно, что детали всей этой сложной работы сосредоточились у генерала Палицына, начальника штаба великого князя Николая Николаевича, по званию генерал-инспектора кавалерии и многолетнего сотрудника великого князя.

Генерал Палицын был лицом теоретически хорошо образованным, прекрасно осведомленным во всех заграничных военно-литературных течениях и имел своих почитателей, среди которых считался готовым кандидатом на высокоответственный пост первого русского начальника Генерального штаба. К сожалению, предложенные им в порядке управления Военным министерством реформы оказались далеко не удовлетворительными.

Наметив для себя должность независимого от военного министра начальника Генерального штаба, генерал Палицын, увлеченный теоретическими рассуждениями, предложил также образование особого Совета государственной обороны и учреждение ряда независимых от Военного министерства генерал-инспекторов. Этим было положено начало вредному в русских условиях многоголовию в пределах Военного министерства. Независимый от Военного министра начальник Генерального штаба оказался весьма скоро в роли почетного консультанта по военным вопросам, которого слушали лишь постольку, поскольку хотели. Должности же генерал-инспекторов явились, по существу, только вредными синекурами, пригодными для замещения их, по меткому выражению тогдашних критиков, «безработными» великими князьями, жаждавшими положения и власти. Эти генерал-инспекторы в высшей степени затрудняли ответственную работу командующих войсками в округах. Имея личные доклады у государя, они нередко ставили в очень деликатное положение военного министра, затрудненного во многих случаях в проведении необходимейших мероприятий.

Трудно, однако, возлагать на великого князя Николая Николаевича, не имевшего, конечно, достаточного военно-административного опыта, ответственность за неудачную реформу управления Военным министерством, неудовлетворительность которой он впоследствии испытал на себе же по должности председателя вновь учрежденного Совета государственной обороны. Виновниками неудачи следует скорее признать генерала Палицына и генерала Редигера, бывшего начальника канцелярии Военного министерства и профессора военной администрации, который совместно с генералом Палицыным счел возможным осуществление этой реформы и который занял впоследствии должность министра в реформированном министерстве. В оправдание же великого князя Николая Николаевича можно привести еще и тот факт, что, убедившись в нецелесообразности существования Совета государственной обороны в отведенных этому совету рамках, он выразил осенью 1908 г. свое полное согласие на его упразднение.

4. Учреждение Совета государственной обороны

При образовании этого высшего государственного учреждения имелось в виду осуществить объединение управления армией и военным флотом, а также достигнуть согласования в работе всех тех ведомств, которые соприкасаются с вопросами государственной обороны. Задача, по существу, чрезвычайно важная и заслуживавшая самого внимательного к ней отношения.

В самом деле. Подготовка к современной войне не может быть уложена в рамки деятельности какого-либо одного министерства. Она требует прежде всего известной общности программы со стороны министерств, которые ведают организацией и подготовкой отдельных частей вооруженных сил (сухопутных, морских, а ныне и воздушных), а затем и общего согласования с этой программой деятельности тех министерств, в руках которых находятся политика государства, его финансы, экономика, а также и все другие стороны народной жизни. Столь широкое понимание вопроса об обороне государства вытекает из того соображения, что война в настоящее время далеко выходит за пределы состязания одних вооруженных сил и требует для успешного доведения ее до конца крайнего напряжения решительно всех сил и средств нации.

Таким образом, вполне очевидно, что только общими усилиями всего, так сказать, правительственного коллектива и за общей ответственностью возможно достижение наиболее полных результатов в деле современной подготовки государства к обороне.

Так решен ныне, после войны 1914 г., этот вопрос во Франции. В этой стране ответственность за подготовку к войне (и ее ведение) по новому закону об организации нации на случай войны возложена на правительство страны в его целом. Очевидно, что правительство это в данном примере и выполняет функции Совета государственной обороны. Порядок этот, по мнению французских законодателей, не должен в военное время стеснить самостоятельность полководца, обязанности которого ограничиваются лишь ведением военных операций. В установлении прочных взаимоотношений с правительством этот главнокомандующий должен черпать опору для своего авторитета и силу для своих действий.

Возможно, впрочем, представить себе и более узкое понимание функций, которые могли бы быть доверены Совету государственной обороны. Это – согласование программы только тех министерств, которые ведают различными отделами вооруженных сил, и детальная разработка оперативных планов на случай войны в соответствии с предположениями будущих руководителей сей последней. Характер этих работ должен предопределять и состав самого совета, который в данном случае мог бы состоять из председателя совета – будущего Верховного главнокомандующего, соответственных министров: военного, морского и воздушных сил (где имеются), так как на этих лицах в военное время останется забота по снабжению действующих вооруженных сил всем необходимым, начальников сухопутного и морского генеральных штабов и главнокомандующих группами армий, отдельными армиями и эскадрами.

Приблизительно в таком составе и с такими функциями организованы в некоторых иностранных государствах учреждения, носящие название военных советов.

Что касается Совета государственной обороны, сформированного в 1905 г. в России, то по составу своему он не соответствовал ни первому, ни второму заданию. В этом совете принимали участие в качестве членов инспекторы многочисленных родов оружия и другие вполне безответственные лица, с мнениями которых, естественно, никто из ответственных лиц считаться не желал. Вследствие этого в Совет государственной обороны «сплавлялись» из всех министерств разные дела, от которых хотели отделаться или решение которых хотели отложить *ad calendas graecas* (лат. «до греческих календ», т. е. в долгий ящик. – Примеч. ред.). В нем разбирались всякие фантастические проекты. Собирались разного рода статистические и другие сведения и, наконец, были весьма обрадованы образованию при Совете государственной обороны Высшей военно-аттестационной комиссии, которая и занялась рассмотрением аттестаций на кандидатов, предоставлявшихся на высшие командные должности в армии. На этих узких обязанностях и успокоились.

Подобная бесполезная деятельность коснулась председателя Совета государственной обороны лишь частично. Великий князь Николай Николаевич в бытность свою главой этого

совета приглашался персонально на все наиболее важные государственные совещания, причем его мнение выслушивалось всегда с большим вниманием.

Уже в один из первых же дней вступления великого князя Николая Николаевича в должность председателя Совета государственной обороны его посетил, например, С.Ю. Витте, назначенный на пост главного уполномоченного по ведению мирных переговоров с Японией.

В длинной беседе великий князь обстоятельно изложил своему собеседнику, торопившемуся с отъездом в Америку, что русская армия в Маньчжурии подошла к пределу своей, так сказать, упругости и не в состоянии более вынести поражения, подобного Лаоянскому или Мукденскому; что при благоприятных условиях и дальнейшем усилении этой армии возможно даже ожидать от нее оттеснения японцев до Квантунского полуострова и за р. Ялу, но что для этого потребуется много времени, а также денег и жертв человеческими жизнями. Дальнейшие успехи ее будут, однако, неизбежно задержаны отсутствием флота, почему Япония будет вполне свободна занять Сахалин и даже часть Приморской области. Эти заключения, сделанные с предварительного доклада их государю, и были положены в основу решения о безусловной бесполезности дальнейшего ведения войны, которая не могла привести к положительным результатам.

Великий князь Николай Николаевич принимал затем участие в разработке новых основных законов, приуроченных к манифесту 17 октября, в решении вызвавшего большие препирательства в Государственной думе вопроса о порядке ежегодного определения числа новобранцев, подлежащих призыву, равно и в других важнейших государственных вопросах, причем неизменно пользовался исключительным влиянием на все решавшиеся совместно с ним дела. Надо, однако, твердо отметить, что влияние это являлось плодом не председательствования в бесполезном Совете государственной обороны, а в результате многих личных свойств великого князя. Что же касается Совета государственной обороны, то таковой летом 1908 г. был упразднен, а весной следующего, 1909 г. вместо генерала Редигера, не сумевшего защитить в Государственной думе армию от несправедливых нападений на нее, был назначен военным министром незадолго перед тем занявший должность начальника Генерального штаба генерал Сухомлинов.

С его вступлением в управление Военным министерством должности большинства генерал-инспекторов были упразднены, а еще раньше начальник Генерального штаба вновь подчинен военному министру. Единство управления Военным министерством было, таким образом, восстановлено.

С появлением во главе Военного министерства генерала Сухомлинова роль и значение великого князя Николая Николаевича значительно уменьшились. Личность его была затемнена тем влиянием, которым успел заручиться новый министр у государя.

5. Командирование великого князя Николая Николаевича во Францию

В сентябре 1912 г. великий князь Николай Николаевич во главе многочисленной свиты, в которую в числе других входили начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа и специалисты различных родов оружия, был командирован во Францию на маневры, происходившие в западном районе названного государства. Хотя великий князь в действительности никогда не был в мирное время официально предназначен на должность Верховного главнокомандующего русской армии на случай войны, тем не менее председательствование им в бывшем Совете государственной обороны и то высокое положение, которое он занимала в русской армии вообще, заставляли во Франции его рассматривать как будущего верховного вождя русской армии в случае войны с Центральными державами. Этому взгляду как бы соответствовала та свита, которая с ним прибыла во Францию. Встреча

великого князя Николая Николаевича в Париже носила весьма торжественный характер. Прибыв в столицу Франции на Северный вокзал 11 сентября в 5 часов дня в специально высланном для него на границу поезде, великий князь был приветствован на перроне от имени президента республики и встречен всеми находившимися в Париже министрами. Отбыв с вокзала посреди восторженных криков огромной толпы народа в одной коляске с председателем Совета министров Пуанкаре, великий князь направился прямо в Елисейский дворец с официальным визитом к президенту республики Фальеру.

Маневры продолжались с 11 по 17 сентября и происходили в местности Touraine и Poitou. Войска были подразделены на две стороны: синих и красных, и во главе их находились лучшие французские генералы того времени: Галлиени, будущий военный губернатор города Парижа, инициатор наступления из Парижа на р. Урк, и генерал Марион. Командующим генералам предоставлена была на маневрах широкая инициатива. В состав маневрирующих войск были включены в значительном числе аэропланы, что было тогда еще новинкой, и на одной стороне находилась резервная дивизия из шести полков, сплошь составленная из резервистов; во главе этой дивизии состоял генерал, тоже призванный из резерва. Войска маневрировали на берегах р. Вьен, и особенно поучительна была переправа, совершенная одной из сторон, перебросившей на другой берег реки по мосту, наведенному в темноте, целую дивизию.

Великий князь, избегавший посещения крупных городов во избежание шумных оваций, жил во все время маневров в поезде, стоявшем посреди чудесного леса, к которому была подведена специальная ветка. Около поезда был разбит красивый палаточный лагерь. 14 сентября в честь высокого гостя французскими властями был устроен банкет, а в заключение маневров прибывший на поле действий президент республики дал блестящий завтрак, в течение которого великий князь, отвечая на приветствие главы Франции Фальера, отметил особым словом «индивидуальную инициативу» французского солдата, живым наблюдателем которой ему пришлось быть.

Все присутствовавшие оценили наблюдательность великого князя и были в восхищении от его манеры держать себя с царственной осанкой и вместе с тем с удивительной простотой. Особенно поразил всех рост великого князя, выделявшийся среди всех присутствовавших и составлявший разительный контраст по сравнению с небольшим ростом тогдашнего французского военного министра А. Мильерана.

В период пребывания великого князя во Франции некоторые члены его свиты успели побывать на французских военных заводах и убедиться в совершенстве материальной части той армии, которая в случае войны с Центральными державами должна была стать рядом с русской армией.

6. Частная жизнь великого князя в этот период времени

После Русско-японской войны великий князь в 1907 г. женился на сестре жены своего брата Петра Николаевича, великой княгине Анастасии Николаевне, рожденной княжне Черногогорской.

Великая княгиня воспитывалась в Петербурге, в Смольном институте, и была первым браком замужем за принцем Георгием Лейхтенбергским. Брак ее с великим князем Николаем Николаевичем явился бездетным.

В бытность свою главнокомандующим гвардии и Петербургского военного округа великий князь проживал первые годы в приобретенном им небольшом доме на Михайловской площади, рядом со зданием Дворянского собрания. Впоследствии же им был выстроен для себя более комфортабельный дом-дворец на Петербургской стороне, близ Троицкого моста, на набережной Невы.

В некоторых источниках можно встретить намеки, что великая княгиня Анастасия Николаевна и ее младшая сестра Милица, жена брата Николая Николаевича – великого князя Петра Николаевича, были настроены в религиозных вопросах крайне мистически и, между прочим, служили поставщиками для императорской четы разных полуграмотных старцев, монашек и «святых» лжепророков, которых на Руси вследствие народной темноты было не перечесть сколько! В числе такого рода людей ко двору попал и известный Григорий Распутин, или Новый, как его называл наследник престола цесаревич Алексей. Слишком известна роль этого лица в ходе истории последних лет царствования императора Николая II, чтобы на нем нужно было здесь останавливаться долго!

Воспользовавшись настроением императрицы, верившей в то, что истинная русская мудрость таится только в народе и что все, что стоит между этим народом и русским царем, является вредным средостением, Распутин в напоминание своего крестьянского происхождения никогда не снимал народного по покрою костюма, хотя и ходил в шелках и дорогих шубах, равно как щеголял своей колоссальной безграмотностью и невежеством. Обладая, несомненно, особой магнетической силой, он взял на себя также роль знахаря-целителя по отношению к наследнику, отвечая тем самым нежным и тонким струнам ее материнской души.

«Пока я с вами, ничего дурного случиться не может», – обыкновенно говорил он, укрепляя тем свое положение при дворе.

В силу моей неосведомленности я не могу читателя разуверить в том, что слухи о проникновении Распутина в царский дворец через посредство жены великого князя неверны. Но все же должен, на сей раз уже с полным знанием, заявить о полном презрении великого князя Николая Николаевича к этому человеку в период войны. О приезде Распутина в Ставку во время нахождения во главе армии великого князя Николая Николаевича, разумеется, не могло быть и речи, как не могло быть речи и о влиянии его на ход военных событий.

С другой стороны, нельзя не заметить, что такие люди, как Распутин, около которых обыкновенно лепятся опасные авантюристы и малочестные дельцы, обыкновенно появляются лишь в тех кругах, в которых на них обнаруживается спрос. При дворе не он был первый, не он, вероятно, был бы и последним при ином ходе событий. Перелгать лично на них всю ответственность за происшедшие события, конечно, неправильно. В здоровой атмосфере Распутин быстро потух бы, как это видно из последующих отношений к нему Николая Николаевича, и его сила расцвела махровым цветом лишь вследствие окружавшей его в стенах царского дворца больной атмосферы.

Главный ужас распутинского времени был в том, что он оказался не в одиночестве. Его весьма быстро захватили в тесное кольцо разного рода авантюристы, влиянием которых и расшатывался авторитет центральной власти, венчавшийся русским монархом.

Люди искренние и независимые сами отходили от власти, на место же их приходили льстецы и угодники, потакавшие ошибкам императора и не желавшие своевременно открыть ему глаза на происходившее кругом.

Великий князь был большим любителем всякого рода построек, и в этом отношении он унаследовал страсть своего деда императора Николая I. Он сам прекрасно комбинировал и вычерчивал схемы деревенских хозяйственных сооружений, которые и осуществлялись им в его подгородном имении Беззаботном. Это Беззаботное лежало под Петербургом, между Стрельной и Красным Селом, в 8—10 верстах к югу от Стрельны. В нем было земли всего лишь около 240 десятин; для жизни был выстроен обыкновенный деревянный небольшой дом, но дополнительных затей было много. Великий князь Николай Николаевич страстно любил животных, и одним из любимейших развлечений его была забота по разведению у себя улучшенных пород лошадей, коров, овец, коз, собак и всякого рода птицы. Все это жило

и кормилось частью в Беззаботном, частью в другом его имении Першино Тульской губернии.

В Беззаботном главной отраслью хозяйства было разведение какой-то особой породы серых коз, дававших вкусное, легкоусвояемое и особо питательное молоко. Этот вид молочного хозяйства был у него поставлен образцово. Я помню, с каким увлечением и искренней гордостью великий князь рассказывал нам в Ставке в минуты отдыха о способах промывки посуды, отнимавшей у козьего молока особый присущий ему неприятный привкус. Виден был сразу тонкий и много читавший сельский хозяин. Очевидно, что весь удой был нарасхват, разбирался на месте; все же высококультурное хозяйство в конечном счете, кроме убытка, ничего не давало. Но его ведение служило источником наслаждения для его хозяина; в него он вкладывал, как это ни странно звучит, свою нежную душу. Разумеется, что теперь это имение, как водится, разграблено начисто.

Козам Беззаботного и мое «спасибо», а их хозяину, великому князю Николаю Николаевичу, — глубокая душевная признательность за тонкое ко мне в прошлом внимание и деликатную обо мне заботу. Занимая должность генерал-квартирмейстера в Ставке, я зимой 1914/15 г. заболел на почве переутомления нервной экземой левой руки. Болезнь была очень упорной и мучительной при перегруженности работой. Кроме всякого рода медицинских средств мне прописана была строжайшая молочная диета, и я не мог отказаться от настойчивого почти требования великого князя перейти на молочное довольство ему принадлежавших коз Беззаботного. Ежедневно с пассажирским поездом мне доставлялась оттуда суточная порция бесподобного свежего козьего молока, пользование которым, конечно, ускорило мое выздоровление. Но независимо от этого я успел убедиться на самом себе в том, как великий князь мог быть тонко внимателен и заботлив к людям, которые его окружали и работали вместе с ним. С бесконечной благодарностью я вспоминаю об этом трогательном эпизоде, оставившем во мне неизменную память с необыкновенно душевным и заботливым человеке, каким по существу был великий князь Николай Николаевич.

Другое имение великого князя Першино находилось в Тульской губернии. Вначале оно состояло также из небольшого количества десятин, затем кое-что было прикуплено, но в общем по размерам это имение всегда оставалось имением среднего русского помещика. В нем имелся небольшой дом и рядом несколько флигелей, в которых останавливались гости и жили служащие имения. В этом своем имении великий князь бывал только осенью, после лагерных сборов и маневров, отдаваясь в нем своей страсти к псовым охотам. Жил он там вполне скромно, ничем не выделяясь из круга помещиков среднего достатка. Собирались у него для участия в охоте только его близкие знакомые — не великосветские гости, а просто соседи-помещики и приятели-офицеры, с которыми хозяина ближе сводили случай или судьба. Для охоты арендовались дополнительные места и содержалась свора борзых. Этими борзыми великий князь охотно снабжал от себя и кавалерийские полки, с возмещением лишь стоимости провоза собак и провожатых.

Великий князь Николай Николаевич был не только страстным любителем охоты с борзыми, так отвечавшей его пылкой и стремительной натуре. Он был также отличный стрелок и любил ружейную охоту. Ввиду его страсти к охоте он всегда приглашался на царские охоты в Беловеж и Скверневицы, что особенно сблизило его с Польским краем.

Я хорошо помню в его петербургском кабинете на стене над столом изумительную по размерам пару рогов огромного оленя, убитого на одной из охот двумя последовательными выстрелами, произведенными им и, кажется, князем Кочубеем. Первым выстрелом Кочубея зверь был ранен, но продолжал уходить; его догнал второй выстрел великого князя, которым зверь и был убит наповал. По обоюдному согласию голова лося с его рогами стала собственностью Кочубея; последний же, в свою очередь, подарил великому князю на память дубликат из какой-то искусственной массы.

Охота для великого князя была удовольствием и забавой; как я сказал, она отвечала его страстной кипучей натуре.

Подобно тому как в Беззаботном, першинская усадьба была также полна всякого рода животными. Кроме рассадника собак там производились под руководством специалистов опыты скрещивания различных пород лошадей (арденны) с целью получения типа хорошей рабочей лошади, а также выращивались особые породы коров и овец. Все кругом было чистопородное и полно жизни; все было сыто, выхолено, хотя без излишней роскоши, и довольно. Наличие в животных известного аристократизма породы и всеобщего довольства доставляло великому князю истинное удовольствие; в этом сознании он видел радость жизни.

У отца великого князя, Николая Николаевича Старшего, когда-то были огромные лесные угодья в районе г. Борисова (Минской губернии). Постепенно они перешли в уделы или в частные руки – хорошо не знаю – вследствие постоянной нужды в деньгах. Великий князь Николай Николаевич Младший сумел еще до войны эти угодья выкупить. Когда в 1915 г. под влиянием военной обстановки Ставке пришлось отходить из Барановичей на восток, то квартиреры, посланные для выбора места под новую Ставку, остановили свой выбор на Борисове, в котором имелись существенные удобства для размещения Ставки. Великий князь, однако, категорически воспротивился переходу Ставки в Борисов из чувства внутренней деликатности, опасаясь, чтобы не сказали, что главнокомандующий живет у себя в имении. Ставка поэтому перешла в менее удобный Могилев, как известно, лежавший в стороне от главных железнодорожных сообщений. Государь, принявший на себя впоследствии обязанности верховного главнокомандования действующими войсками, все время стремился переехать из Могилева не то в Смоленск, не то прямо в Москву.

В воспоминание о своем борисовском имении великий князь, выехав за границу, проживал официально во Франции под скромной фамилией Борисов.

Глава V

В ожидании войны

1. Степень влияния великого князя на внешнюю политику России накануне войны

С именем великого князя Николая Николаевича у многих, особенно в Германии, связано представление о лице, мощно влиявшем на русскую внешнюю политику в годы, предшествовавшие войне. Часть германского общества приписывает даже его якобы настойчивому влиянию на царя и даже на французское правительство создание такой обстановки, которая делала возникновение войны с Германией в 1914 г. неизбежным.

Усвоив столь предвзятую точку зрения, эти лица на основании только того факта, что великий князь Николай Николаевич лично не питал симпатий к довоенной политике Германии и, наоборот, являлся убежденным сторонником дружбы с Францией, ищут доказательств своего мнения в предположении о наличии какой-то особой миссии, выполненной великим князем Николаем Николаевичем в период посещения им в 1912 г. Франции, равно в содержании тех мимолетных бесед, которые президенту Французской республики г. Пуанкаре пришлось вести с великим князем Николаем Николаевичем во время пребывания первого в России в 1914 г., накануне войны. Великому князю приписывается также роль какого-то тайного воинствующего инспиратора в переговорах, которые были вполне естественны между случайно встретившимися министрами иностранных дел двух дружественных и союзных наций.

Я решаюсь категорически опровергнуть это предвзятое мнение.

Прежде всего, в объяснение личных ощущений великого князя Николая Николаевича напомним, что он достиг зрелого возраста в период царствования императора Александра III, который нашел необходимым в интересах своей страны отойти от прежней традиционной политики его предшественников, заключавшейся в поддержании тесных дружеских отношений с Центральными державами Европы. Известен знаменательный тост императора Александра III за здоровье князя Черногорского – «единственного друга России», которым русский царь, вероятнее всего, хотел подчеркнуть ту мысль, что Россия едва ли может иметь в Европе большое число благожелателей. Независимо от этого Александр III, как это всем известно, лично не симпатизировал германскому императору Вильгельму II и его манере держать себя во время приездов в Россию. Результатом этих государственных соображений и личных настроений к концу 90-х гг. прошлого столетия и был наконец окончательно скреплен союз России с Францией, культуру которой уже давно полюбило и привыкло уважать русское общество. Удивительно ли, что при всех этих условиях ближайший родственник русского царя, пользовавшийся к тому же его доверием, вырос и впитал в себя те же чувства к западному соседу России, что и Александр III! При всем том это чувство никогда не переходило в недружелюбие или слепую ненависть к немецкому народу вообще, что видно хотя бы из факта наличия в ближайшем окружении великого князя многих весьма почтенных людей с немецкими фамилиями и немецкого происхождения. Наконец, в организме самого Николая Николаевича текла ольденбургская, т. е. немецкая кровь! Вообще, терпимость и уважение ко всем почти нациям была одной из самых отличительных черт его характера. И если в смысле отношения к некоторым народностям во время пребывания великого князя в должности Верховного главнокомандующего и совершались какие-либо несправедливости,

то вина этому заключалась лишь в усердии «не по разуму» некоторых его сотрудников и в излишнем доверии со стороны великого князя к их беспристрастности и справедливости.

Что касается командирования во Францию в 1912 г. великого князя, то этой поездкой преследовалась лишь общая задача, вытекавшая из необходимости время от времени подогревать дружеские чувства и демонстрировать перед Европой мощь и силу Соглашения, противопоставлявшегося союзу трех Центральных держав. Французскому обществу, может быть, действительно хотелось бы видеть в этом приезде посещение их страны лицом, долженствовавшим стоять во время войны во главе русской армии в случае европейской войны, но этот факт, если он и существовал, должен быть объяснен несколько повышенным темпераментом французской нации вообще и более всего личным обаянием внешних и внутренних качеств великого князя, вполне очаровавших французов.

Посещение великим князем Николаем Николаевичем Франции подобно посещению генералом Фошем России носило исключительно военный характер, и с его пребыванием во Франции неправильно связывать наличие каких-либо определенных замыслов против Центральных держав. Никакой дипломатической миссии великий князь не имел. Это лучше всего доказывается тем обстоятельством, что мысль о командировании великого князя Николая Николаевича возникла в пределах Военного ведомства, и русское Министерство иностранных дел на сделанный ему запрос ответило лишь признанием этой поездки желательной, как я уже сказал, по соображениям общего порядка. Среди многочисленной свиты великого князя не было поэтому ни одного лица из состава дипломатического ведомства, командированного распоряжением Министерства иностранных дел, и сама краткость пребывания великого князя в Париже, в течение которого могли происходить свидания его с государственными людьми этой страны, доказывает отсутствие в его приезде каких-либо дипломатических заданий. Наконец, отсутствие необходимости со стороны русского правительства поручать их ведение великому князю еще лучше доказывается обстоятельством приезда в том же году председателя Совета французских министров и министра иностранных дел г. Пуанкаре в Россию. Очевидно, что если бы существовала какая-либо надобность в особо доверительных переговорах, то таковые были бы приурочены к пребыванию г. Пуанкаре в Петербурге.

Еще менее имеют под собой почву предположения, которыми приписывается великому князю активная роль в существовании тех бесед, которые якобы велись в 1914 г., накануне войны, в Петербурге между главами обоих государств, Франции и России, и их министрами иностранных дел Вивиани и Сазоновым.

Прежде всего я должен напомнить читателю, что в визите нового президента Французской республики г. Пуанкаре в Россию в 1914 г. не было вообще ничего необычайного. Со времени начала дружественных отношений между Россией и Францией эти посещения вошли в обычай и все бывшие президенты Франции: Феликс Фор, Лубо, Фальер и, наконец, Пуанкаре – считали своей обязанностью по одному разу побывать в России, чтобы этим оказать внимание русскому царю и удостоверить личную их верность Двойственному союзу. Не был Казимир Перье, который вообще оставил пост президента до окончания срока.

Со всеми перечисленными президентами приезжали и лица, занимавшие ко времени поездки их должность министра иностранных дел. Таков был общепринятый ритуал, по силе которого главу государства всегда сопровождает в заграничной поездке министр иностранных дел. Исключение составляли только случаи высочайших посещений по причинам семейного характера, каковых случаев вообще при общении с Францией, очевидно, быть не могло. Нарушения вошедшего в обычай порядка были крайне редки, и за последние десятилетия припоминается лишь один приезд русского императора в Берлин без бывшего в то время русским министром иностранных дел Сазонова – не помню в котором году, где императору предстояло встретиться с английским королем Георгом, сопровождавшимся его

министром иностранных дел. Но это отступление было сделано с исключительной целью не поставить в неловкое положение дружественную Францию. Таким образом, и в сопровождении г. Пуанкаре тогдашним председателем французского Совета министров и министром иностранных дел Вивиани ничего исключительного не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.